

Вадим ВОЛОБУЕВ

**КАЩЕЕВО
ЦАРСТВО**

@ЭЛИТА

16+

Вадим Волобуев Кашеево царство

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=7265902

Вадим Волобуев Кашеево царство Сказка-быль: ЭИ «@элита»; Екатеринбург; 2013

Аннотация

Издавна манила русичей зауральская земля. Ватаги молодцов везли оттуда пушнину и серебро, в одночасье превращаясь в сказочных богачей. Но всякому отважившемуся забраться в такую даль приходилось иметь дело не только с народами, жившими в той стране, но и с их богами, известными своей лютостью и неумолимой враждебностью к чужакам. Оттого и звались они на Руси не богами, но демонами, губящими русские души. Как было устоять против этой древней силы? Как было не сойти с ума, поддавшись колдовскому прельщению зауральских шаманов? Не всякий мог выдержать такое.

Сполна испытали всё это новгородские смельчаки, отправившиеся осенью 1193 года в карательный поход против югорских мятежников. Бросив вызов бессмертным владыкам приполярного края, они вступили в смертельную схватку не только за свои жизни, но и за свои души. Кто победил в этой борьбе – люди или боги? И какова судьба героев той войны? Страницы новгородских летописей сохранили для нас скудные подробности той страшной истории – одной из самых завораживающих и необычайных, какие когда-либо случались в России...

Содержание

Глава первая	4
Глава вторая	14
Глава третья	26
Глава четвёртая	33
Глава пятая	44
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Вадим Волобуев

Кашеево царство

Сказка-быль

Глава первая

Поздней весной, в неделю Всех Святых, в год от сотворения мира шесть тысяч семьсот второй Новгород горел. Зачалось от Ярышевой улицы, где в золу обратился Савкин двор и три церкви. На следующий день вспыхнула Чегловая улица, а в пятницу той же седмицы в разгар торгового огня прошёлся от Хревковой улицы до Неревского конца, оставив одни головешки от семи церквей и многих добрых усадеб. Потом занялись Городище и Людин конец, и так до самого Успения не знали новгородцы покоя.

Того же лета вернулись из Заволоцкой земли молодцы, что ходили на Югру по призыву лихого воеводы Ядрея за серебром и мехами. Вернулись без славы: добычи не взяли, князьков югорских в подчинение не привели, да и сами весьма претерпели, потеряв множество народу – кого в битвах, а кого и сами пришибли, в чёрных умыслах подозревая. Был плач великий по всему городу, немало жён осталось вдовами, а детей – сиротами. На вопросы же, как таковое бедствие могло учиниться, вернувшиеся отвечали неохотно, пеняя на каких-то бесов и демонов. Когда же приступали к ним старосты да игумны, вопрошая подробно, удалцы прятали глаза и твердили только: «Сатана взбаламутил. Кабы не он, одолели бы нехристей». «Что ж вам, с самим чёртом биться пришлось?», – не унимались новгородцы. Вернувшиеся кивали, отвечая согласно, что чёрт не чёрт, а исчадия ада там были точно, и сильно вредили делу христианскому. «Да как же они выглядели, исчадия-то эти?» – допытывался народ. Здесь рассказчики говорили разное, но у всех глаза наполнялись лютой злобой.

Начиналось же всё за здравие. В лето, когда преставился новгородский владыка Гавриил, у врат Святой Софии воевода Ядрей бросил клич, призывая удалцов собираться в поход на далёкую Югру, в край, где лоси и белки сыпятся из туч, а самоедь безъязыкая через дыру в скале торгует пушниной, меняя её на железо. «Пойдём, братцы, к Полуночному морю, пощиплем тамошний люд, ударим мечами о железные створы, нагрузим лодьи заволоцким серебром». Триста добрых ратников собрал он для этого дела. Были здесь бояре Яков Прокшинич и Завид Негочевич, были житыи люди Сбыслав Волосовиц и Савелий с Ярышевой улицы, были и поп с поповичем – Иванко Леген да Моислав Олисеевич, сын гречина, бросавшего жребий, когда решалась судьба осиротевшего владычьего трона. Были и другие, всех не перечесать. Снарядили семь ящероносных стругов, запаслись нартами, тёплой одеждой и лыжами – расчёт был на зимний набег, пока бескрайние югорские болота скованы льдом, а гнус прячется от лютых морозов по клетям да амбарам. Перед отплытием отслужили молебен, обещались вернуться в конце зимы. Мыслей о долгой войне не имел никто, даром что семи вёсен не минуло, как перебили новгородских данщиков по всему Югорскому краю. Ну да на всё воля Божья.

По Волхову спустились в Ладожское озеро, оттуда Свирью перемахнули в озеро Онежское, завернули в Вытегру, перетасили суда до озера Белого, доплыли до Шексны, из неё попали в Кубенское озеро, а из него – в Сухону, из Сухоны же – в Вычегду, а из Вычегды – в Вымь. Там снова сошли на берег, переволокли струги в Ижму, а от Ижмы протянулся водный путь до самой Югры. Шли, однако ж, не прытко, высматривая зырянские кочевья да место, где можно схоронить на зиму корабли.

Погода в миг посуровела. Когда выходили из Новгорода, был самый разгар «бабьего лета», немногие шмели ещё летали над увядающими лугами, а с диких яблонь опадали подгнившие плоды. Небо так и норовило разразиться дождём, но если в просвете между туч выплывало солнце, становилось жарко и душно. В Онежской земле почувствовалось первое дуновение студёного ветра, а на Сухоне осень вошла в полную силу. Зарядили ливни, берега развезло в грязи, с корявых северных берёз пооблетала листва. Чем дальше в Заволочье, тем неприветливее становилась природа. С обеих сторон надвинулись еловые и сосновые чащи, по пути то и дело попадались размокшие коряги, осклизлые пни и полумёртвая сорга, искорёженные ветром лиственницы выпрастывали над водой корни, словно тщились ухватить проплывающие струги. Откуда-то издалека трубно звали кликуны, меж деревьев спугнутыми призраками вспархивали синицы. Местность пошла гористая, обтёсанные ветрами и водами каменные кручи взирали на удалцов чёрными глазницами пещер, нередко стали отмели и буруны, с неба посыпался мокрый снег. «Идём напрямиком в Кашеево царство», – угрюмо шутили ратники.

Перевалив кряж, попали в область сплошных болот и мелкого ельника. Вода кое-где начала поблёскивать ледком, оставшаяся с лета паутина на ветвях колыхалась истрепавшимся мочалом. Иногда встречались запруды, устроенные чудинами. В них плескалась рыба, а рядом, скрытые пожелтевшими зарослями багульника и лозняка, покачивались лодки.

Углубившись в заволоцкие земли, Ядрей стал осторожен, понимал – закончились родные славянские чащи, и начались чужие, пермяцкие. И люд здесь был другой, и боги не те, и дух непривычный, болотный, точно от гнили какой. На ночь воевода ставил струги подале от чудиных павылов, чтоб ушкуйники – ребята бойкие – от излишка силушки не пустили с дымом какую деревеньку. Ссориться с зырянами было ни к чему – неведомо ещё, сколько воев в Югорской земле ляжет, а тут, на возвратном пути, лучше иметь друзей, чем врагов. Зыряне и так не шибко новгородцев привечали: то данщики от них придут, то монахи, то ратники. Всем подай, всех накорми, а на плечах-то ещё Югра сидит, тоже своего требует. Потому и стерёгся воевода: не давал безобразничать ратникам, да ещё куны с собой прихватил – за оленей платить, чтоб воям на своих плечах поклажу не тащить, когда придётся на берег сойти. Чудинам, конечно, от этих кун ни холодно ни жарко, божкам своим разве на требы положить да бабам бусы сладить, проку немного. Но всё ж лучше, чем ничего. А олени ратникам ой как нужны. От коней в Югре какой толк? Да и не возмёшь с собой много коней-то, всё равно кормить нечем. Зато олени – самое то. Тем паче, до Камня реки уже встанут, придётся посуху идти. Вот и надо было думу думать: с каким племенем урядить, чтоб обменяло оленей на новгородское серебро.

Созвал воевода на совет вятских людей, начал спрашивать – где струги приткнуть да в каком павыле скотину набрать. Житьи люди Сбышек да Савелий, отродясь в Заволочье не бывавшие, лишь поглядывали исподлобья на бояр да отмалчивались. Завид Негочевич, даром что знатен был и угодя большие в Заонежье имел, мнение своё всегда при себе держал, лепился к большинству. Попович Моислав вообще непонятно за каким рожном в югорскую тайгу попёрся: воинское делу ему – что кузнецу пасака, всё чужое, книжник он был и чародей, несчастье отца-иконописца. Один лишь Яков Прокшинич сказал веское слово, но и оно не шибко помогло.

– Идти надобно покуда можно, – проскрипел он, покачиваясь тощим костлявым телом. – А прежде оленей набрать. Как будет нельзя идти по воде, вытащим струги, пересядем на нарты. Так и мой родитель завсегда делал.

– А ежели пермяки струги-то порубят? – спросил Ядрей.

Боярин пожал плечами.

– Авось не порубят. Мы им поминки знатные посулим, чтоб не порубили.

– А они поминки-то заберут, да и струги спалят.

– Тогда и мы их избы спалим, как вертаться станем.

В общем, ничего нового воевода из совета не извлёк. Надо было самому мозгами пораскинуть.

Но долго ему пораскидывать не пришлось, бог помог. Однажды в полуденный час подплыл к стругам пермяк в лодке, сам подплыл, никем не понукаемый, закричал приветственно, руками замахал, весело щерясь. Был он небольшого росточка, краснорожий, нестарый, в обтёрханном жупане и сермяжным портах.

– Я харрош. Где главный? К нему пустить. Слово есть.

Гостя подняли на борт, подвели пред светлые очи воеводы.

– Имя – Арнас, – представился он, лупая карими глазами. – Хотеть служить войвода. Русь на Югра идти, да? Не на коми, да? Я помогать. Не любить Югра. Провести русь как надо. Я знать Югра.

Смерил Ядрей суровым оком неказистое тело пришельца, коротко обмыслил – не кинуть ли зырянина обратно в лодку или вовсе в студёную воду, пущай побарахтается, авось выплывет. Спросил, выпятив бороду:

– По-нашему, стало быть, балакаешь?

Пермяк опять закивал, заулыбался, жмурясь:

– Балакать, боярина. Всё понять, всё балакать.

Ишь ты, льстец. Иль и впрямь принял Ядрея за боярина? Воевода засопел, щупая чужина взором, положил, будто невзначай, ладонь на рукоять ножа, висевшего на поясе, погладил костяную голову змееволосой бабы.

– Мечом владеешь ли? Грамотен? В Новгороде бывать доводилось? Где по-нашему говорить научился? Знаешь югорский?

Сыпанул вопросами, будто мешок с горохом опрокинул, и снова замолк. А пермяк, не смутившись, залопотал:

– Меч не знать. Грамота не знать. Уметь пускать стрела, бить рогатина, колоть копьё. Плотником быть, на Онега для монахи работать. Там славянский узнать. В Новгороде не быть. В Югра быть, невольник. Долго быть, пять зим. Потом убежать.

Воевода слушал, не отводя взгляда. Видел он – не врал зырянин. Говорил правду. И то, что расквитаться с югорцами хотел, тоже Ядрея не удивило. Знал он доподлинно: прикаменные зыряне с остяками в большой вражде живут, им каждая беда соседа – елей на сердце.

– Нам олени нужны, – произнёс Ядрей, чуть теплея. – Десятка три. Знаешь, где взять?

– Знать, боярина, – закивал пермяк. – Мой павыл – всё дать, всё найти.

– Далеко он, павыл твой?

– Близко, войвода. Совсем близко. Там еда, вода и олени. Там харрош.

– Если хорош, то хорошо, – пробурчал Ядрей. – Будешь у нас проводником. За верную службу награжу по всей щедрости новгородской, а за перевет покараю нещадно – не только тебя, но и род твой. Так и знай.

Скоро в просветах конурника запестрели избы пермяцкого павыла. Приставать не стали – спустили лодки с тридцатью ратниками, а струги поставили на каменные якоря. Проваливаясь по колена в мягком мху, Арнас повёл новгородцев в деревню. Как и следовало ожидать, она была пуста. Ратники заглядывали в низкие хибары, шуровали в кладовках, рыскали по амбарам и коровникам, но находили только брошенные лапти, недоеденное курами зерно да коровьи лепёшки.

– Где народ-то твой? – раздражённо спросил пермяка Ядрей. – Чего попрятались?

– Страх большой, – развёл тот руками. – Русь идёт, бьёт, вещи берёт. Страх!

– А чего ж ты нам тут наплёл?

– Я пойти привесть. Всё быть.

Воевода с сомнением глянул на него, опять погладил змееголовую рукоять ножа, будто раздумывая о чём-то.

– Хитрый народ, – процедил вожак ушкуйников, лохматый и одноухий Буслай. – Всё унесли. Подчистую. Может, петуха им красного пустить?

– Успеется, – ответил воевода. – Не могли они далеко со скотиной уйти. Здесь где-нибудь хоронятся. Да и ледники також не могли выгрести. Засыпали, небось, думают провести нас, черти болотные. – Он засопел, рывкнул на зырянина: – Иди ищи своих. Ежели до вечера обернёшься, твоё счастье.

Арнас закивал, захлопал жидкими ресницами, заулыбался, нимало не боясь начальника.

– Воев дать ли? – спросил его воевода.

– Дать, – кивнул Арнас.

Ядрей повернулся к Буслаю:

– Пойдёшь с чудином. Сородичей его гони сюда. Но насилий не творить. Руки повыдергаю.

Спровадив ушкуйников шарить по окрестным лесам, воевода присел на завалинку возле сруба, оглядел окрестности. В этих диких местах всё обретало какой-то колдовской вид, будто зырянские демоны смеялись над людьми. Казалось, изо всех тёмных окон, прикрытых хлопающими на ветру бычьими пузырями, таращилась на него сейчас чудская нежить, ждала, пока подойдёт он ближе, чтобы навести порчу, высосать кровь, увлечь в ледяной омут.

Невдалеке, за ближними елями, торчали деревянные болваны. Они пялились на воеводу огромными слепыми глазищами, и от этого их взгляда мороз драл по коже. Чуял Ядрей – исходило от них какое-то тёмное наваждение, морок, пробуждающий греховные страсти. «Вот оно, Кашеево царство», – подумал Ядрей, вспомнив шутку воев.

Пока ждал пермяков, оголодал. В деревне было хоть шаром покати, пришлось отправить челн к стругам, набрать еды. В воде по счастью недостатка не было – колодец стоял тут же, меж деревенькой и капищем. Когда лодка вернулась, в ней, кроме сушёных яблок и солонины, оказался ещё и Савелий – житый человек с Ярышевой улицы. Прибыл не один, в окружении холопов. Шёл к воеводе гоголем, выпятив грудь и бороду, будто спрос хотел учинить нерадивому слуге. Ни дать ни взять – князь. «Ишь подбоченился», – с неприязнью подумал Ядрей. Вои Савку уважали – не за оборотистость его, а за родовитость. Отец его, славный гость Содко Сытинич, привёз как-то из далёких земель девку красоты несказанной. Людишки тут же весть разнесли по городу: выловил купец эту девку из вод моря-окияна. Стал Содко с ней жить да добра наживать. Удача ему в руки попёрла, будто судьбу чем подмазал, дом новый поставил, большим человеком стал. Молва пошла: породнился Содко с самым водным царём, оттого и счастье ему идёт. Брехали, конечно, но когда родился Савелий, у ворот купеческого двора много народу столпилось – всё хотели высмотреть, будет у младенца рыбий хвост иль нет. Хвоста не углядели, но и так повязан был отныне Савка с морским царём накрепко – бояре ещё сомневались, посмеивались в бороды, а смерды крепко уяснили, что живёт в этом доме отрасль владыки морских глубин, её не задирай, себе же хуже будет. Так прочно сплетня эта в умах угнездилась, что иные попы не хотели Содка Сытинича и в церковь пускать – мол, неча скверну наводить на святые образа. Едва-едва покрестить сумели младенца, все попы как один шарахались, осеняли себя знаменiem, шептали молитвы небесным заступникам, чтоб не пришлось давать имя проклятому семени. Говорят, Содко самому владыке в ноги кидался, чтоб вразумил пастырей, выбил дурь из голов. Да ещё небось и посулами взял – неспроста вскорости после того каменную церковь отгрохал. Виданое ли дело, чтоб купчина самолично храмину возвёл! А Содко возвёл – своим коштом,

ни у кого не занимал. Было чем гордиться Савелию Содковичу: и морской царь ему в предках, и храмина через него в Людином конце вознеслась. Вот и кочевряжился теперь перед ратниками, вышагивал аки гусь – дескать, помните своё место, смерды. И ничего тут не поделаешь: отпрыск божества – сам как бог, неподступен и горд. Так думает чадь, простые вои. Приходилось с этим считаться.

Но гнев сильнее осторожности. Как узрел воевода Савку, взбеленился. Спросил недобро:

– Ты-то здесь за каким лешим?

– Дак послали спросить, не надо ли чего? – беззаботно откликнулся Савка. – Заждались уж.

Знал себе цену, стервец, и не хотел чиниться перед Ядреем.

– Ничего нам не надо, – ответил воевода. – Вертайся и скажи, чтоб с судов не сходили.

– Волнуются ребята-то. Говорят, без них хотите дела свои обстригать.

– Пушай не тревожатся. Без своей доли не останутся.

– Добро, – Савка самодовольно хмыкнул и направился обратно к лодке, то и дело нагибаясь, чтобы сорвать бледно-красные шарики клюквы, серебристо отсвечивавшие среди зарослей зелёного мха.

Ожидание затягивалось. Уже начало темнеть, щёки защипало от лёгкого морозца, на мокрой земле в полумраке заискрились крошечные льдинки. Ушкуйники от маёты перерыли в капище землю, разыскивая серебро, чуть не обрушили идолов, но ничего не нашли. Наконец, озябнув, разошлись по домишкам, и скоро оттуда донеслись нестройные пьяные песни. Со стругов понемногу начали прибывать их товарищи, которым надоело сидеть без дела. Прибывали, не спросясь бояр, текли нескончаемым ручейком в оставленный павыл. Вслед за ними явилось и двое вятших – боярин Яков да всё тот же Савка. Подступили к воеводе, заломив брови, посопели, расспрашивая, что да как, потом утопали в избу попросторнее, чтоб обогреться. Забегали туда-сюда холопы с коробами да мешками, устраивая вятших, пришли и вои в охранение. Ядрей тоже завалился в избу к большим людям, сказал:

– Из своих челядинов пяток отправьте в дозор. Пить им не давайте, иначе нас тут голыми руками возьмут. На стругах своих тоже стражу поставьте: у зырян лодки быстрые, пожгут лодьи, будем тогда на этих болотах куковать...

– Да ты что, воевода, пермяков испугался? – хохотнул не шибко уже трезвый Савелий. – Они ж как скот бессловесный...

Ядрей лишь тяжко взглянул на житого человека, а Яков Прокшинич пробурчал:

– Лучники они добрые. Да и сулицы метают не хуже нашего. И впрямь поостеречься надо.

– Ты стерегись, боярин, а я обойдусь. Авось пронесёт, – веселился Савелий.

Наглел купец, чувствовал свою власть над воями, задира нос – пусть знают, с кем имеют дело. Ядрей хотел было рывкнуть, да боярин опередил его.

– Ты бы, Савка, не зарывался. Забыл, кто ты есть такой?

– Как же, помню – отрасль царя морского.

– Это ты смердам голову дури, а мне не болтай.

– Что ж ты, не веришь, будто батюшка мой на дочери владыки морей женился?

– Эта дочь в Стекольне калачами торговала да бельё стирала гостям заморским. Отец мой сказывал, видал её там. Так-то вот.

Савелий побагровел, вскочил, разобиженный, но Ядрей успокоил, пробурчал укоризненно:

– До Камня ещё не дошли, а уже в горло друг другу вцепиться готовы.

Яков лишь ухмыльнулся, а Савелий зарычал озлобленно, схватил шапку и был таков.

Хрустели под ногами сухие ветки, потрескивала схваченная морозцем земля. Луна пряталась за тучами, призрачные громады беломошника надвигались с трёх сторон адовым воинством, а с четвёртой, там, где текла река, меж мохнатых, заросших лишайником, стволов пихты и ели проглядывала тёмная тягучая бездна, сталью рассекавшая сосновое безбрежье. В пермяцких домах и скотниках мерцали лучины, из одной избы гремела разудалая песня, слышались удары сапог по дощатому полу и громкий гогот:

Как поедem, жёнушка, в город торговать,
Как купим, жёнушка, курочку тебе.
А курочка по сениям трай-рай-рай,
Кричит: «Куда, куда, куда!».

Как поедem, жёнушка, в город торговать,
Как купим, жёнушка, уточку себе.
А уточка тах-тах-тах,
А курочка по сениям трай-рай-рай
Кричит: «Куда, куда, куда!».

Худо стало Савелию, тяжело на душе. Как ни крути, а постоять за мать он не сумел. Надо было плюнуть Якову в его лоснящуюся рожу – не осмелился, сробел. Всё ж таки – боярин, наследник великого рода. Против такого не попрёшь, будь ты хоть трижды порослью хозяина морских глубин. Или всё же попрёшь? Может, не стоило сдерживаться, пускай его утрётся? Савелий задрожал от гнева. Редко доводилось ему встречать человека, который не трясся при одном упоминании водяного. А тут не только не трясся, а даже напротив, насмеялся, бесчестил его мать и отца. Как можно такое стерпеть? Савка замаялся, раздумывая, не вернуться ли в избу, да тут кто-то окликнул его:

– Савелий, что стоишь как истукан? Будто и не озяб?

К нему, смеясь в редкую бородёнку, приближался Сбыслав – сосед по Ярышевой улице. А за Сбыславом, чавкая сапогами по мёрзлой грязи, шли смерды – все при мечях и в шлемах. Как видно, Сбышек решил не искушать судьбу и велел холопам быть при оружии.

– Где воевода? – спросил купец, подходя к Савелию.

Был он старше его лет на пятнадцать и потому держался немного свысока, хоть и дружелюбно.

– В избе сидит, – буркнул Савка. – С Яковым.

Сбышек принюхался, осведомился лукаво:

– Никак уже приняли?

– А ты запретишь что ль? – сразу окрысился Савка.

Товарищ его пожал плечами.

– Воеводе виднее. На берегу думаешь ночевать?

– На берегу.

– Ну и я с тобой. Ты которую избу занял?

Савелий неуверенно обвёл взглядом убогий павыл.

– Покамест никакой.

– А чего с Ядреем и боярином не хочешь?

– Да вот не хочу.

Сбыслав тоже окинул взором неровный ряд врытых в землю срубов, промолвил, показав пальцем на один:

– Вот тот как тебе? По нраву ли?

Из сруба доносился гогот ушкуйников, в едва освещённых окошках двигались корявые тени.

– А воев куда ж? – хмуро спросил Савелий.

– Это уж не наша забота. Найдут место.

Сбыслав подступил к избе, распахнул дверь, ступил в горницу – сеней у зырян не водилось. Узрев в полумраке разбойничков, сидевших за низким столом, рывкнул:

– Пошли вон.

Те сначала не двинулись с места, удивлённо уставились на вошедших, потом, рассмотрев хорошенько, вскочили и без слов выкатились на улицу.

– Очаг натопи, – бросил Сбышек челядину, вошедшему следом.

Сам же уселся к столу, скинул кожух, заботливо принятый подскочившим смердов.

– Ты как, брат Савелий, сразу на боковую или повечеряешь со мной?

Савка прошёл к столу, сел напротив.

– Повечеряю, чего ж не повечерять.

– Ну и добро. – Сбышек обернулся к застывшему у входа верзиле-гридню, велел ему:

– Скажи там, чтоб внесли снедь.

Тот поклонился, вышел.

Савелий крикнул:

– Нелюбка!

В избу, запнувшись о что-то, ввалился молодой увалень с нечёсаной рыжей бородёнкой, в добротном тулупчике и чоботах на меху.

– Звал, Савелий Содкович?

– Беги на струг, тащи угощение...

Сбыслав поднял руку.

– Лишнее. Угощу тебя, Савелий. Нынче пьём и едим из моих запасов.

– Обижаешь, Сбыславе! Будто я без порток пришедши.

– Уважь мою прихоть. Сегодня я тебя потчую, а завтра – ты меня.

– Ну, если только так...

Сбышек расщедрился, велел принести с корабля сушёные яблоки и груши, угощал товарища сбитнем, накрыл его шерстяным корзном с серебряной пуговицей. Размякшие купцы нежились в жарких волнах, исходящих от чувала, наслаждались благословенным теплом, особенно приятным после многодневного холода речного перехода.

– Отчего бояр невзлюбил? – лениво спрашивал Сбыслав, изыщно приподнимая правую бровь.

– А ты их больно-то обожаешь! – язвительно отвечивал Савелий, опять набираясь храбрости.

– Бояре – кость новгородская. На них земля держится.

– Боярин боярину рознь, – ершился Савка. – Ежели у него дом – полная чаша и вотчины по всем пятинам, это одно. А ежели не в чем на брань выехать и кафтан дырявый, то какая же это кость? Срамотища одна.

– Такие-то бояре и на вече помалкивают. Нам от них вреда никакого. А при случае всегда можно гривну-другую в худой карман ему положить, чтоб держал нашу сторону.

– Это верно. А только какой бы боярин ни был, всегда на нас сверху вниз взирать будет. Потому как гордость заедает! И что с того, если я могу его с потрохами купить? Он – боярин, а я – смерд.

– Тебе-то что тревожиться? – усмехнулся Сбыслав. – Пусть их бороды задирают. Мы своего не упустим.

– Я тебе так скажу: отец мой, Содко Сытинич, упокой, Господи, его душу, торговлю с заморскими странами вёл. Его и в Любеке знали, и на Готланде, и у нурманов. Каменную

церковь своим коштом возвёл! Такие как он творили новгородскую славу. А только всё одно перед сановной голодранью спину гнул. А мне так и вовсе от них проходу нет: только отвернётся, как уже пакость какую скажут.

– Какую ж пакость? – удивился Сбыслав.

– Будто и не ведаешь.

– Вот те крест!

– Напраслину на мать мою возводят... – Савелий не договорил, опустил взор – не мог такого вымолвить, комок к горлу подступал.

– Слыхал, слыхал, как же! – понимающе сказал его товарищ. – Молвят, будто не морского царя она дочь, а простая баба из Стекольны...

– Языки им всем поотрезать гнилые, ублюдкам сиворылым... – выкрикнул Савелий.

– Уж не Яков ли тебя так раззудил?

– Он, скотина, кто ж ещё!

– Якову ты дорогу не переходи – лют он и скор на расправу. За него весь Людин конец стоит, а кто против, те помалкивают. Вот и ты голову не подымай, потому как отсекут.

Савелий вскинулся, сжал кулак, затрясся весь от гнева.

– Что ж мне, обиду проглотить?

– И проглоти. Не такие проглатывали. – Сбышек вздохнул. – Да и по совести, Савелий, ты-то сам веришь ли, будто родитель твой морскому владыке на гусях играл? Его ить с гусями-то и не видали никогда. Не в обиду тебе говорю это, а так, ради правды.

– Про гусли врать не буду, не знаю. Должно, чадь присочинила, а может, скоморохи. А то, что мать моя – Варяжского моря отрасль, всем известно.

– А ещё слух идёт, будто отец твой ведуном был, с упырями якшался...

– Завистники это всё придумали. Не могли отцу простить удачи его. Вот и наплели всякого. Кабы якшался, не возвёл бы храма.

– Князь Всеслав Полоцкий, говорят, тоже волхвовал, да ещё серым волком перекидывался. А однако ж Софию поставил.

Савелий исподлобья посмотрел на товарища, опять сжал кулак.

– И ты тоже задеть меня хочешь? Все что ль против меня сговорились?

– Не сердчай, – благодушно ответил Сбыслав. – Лучше скажи как на духу: зачем с Ядреем пошёл?

– А ты зачем?

Сбыслав почесал грязными ногтями персь.

– Сам знаешь: худо стало. На Мартына-лисогона лихие люди у Торопца обоз с рыбой разбили. Плескичи второе лето с чудинами режутся, торговле урон наносят. Да и хлеба не уродились. Вот и пришлось в путь собираться. – Он поднял глаза на собеседника. – Ну а ты?

Тот опустил взор, напряжённо засопел, раздумывая. Выдавил:

– Хочу отца своего стать достойным.

– Это как же?

– Он за моря ходил, а я горы одолею. Чтоб обо мне тоже песни слагали.

– Эвона что! Трудно тебе придётся. Господь гордых не любит.

– Да разве ж это – гордость? Выше иных себя не ставлю, но и своего не упущу.

– Не надломиться бы тебе, Савка, – вздохнул Сбышек. С такой печалью вымолвил, что даже панибратское «Савка» не обидело купца. Видел он – тревожится за него старший товарищ, беспокоится. Не было в нём боярской заносчивости, а стало быть, и дуться не след.

– Уж не надломлюсь, – проворчал он.

Вскорости пошли на боковую. Савка заснул было на лежанке, но затем проснулся – по нужде приспичило. Поднялся, чувствуя, как в животе перекачивается тяжесть, нашарил во тьме сапоги, сунул в них ноги и торопливо затопал к выходу. Выскочил на улицу, хотел было

тут же и опростаться, но заметил – в слабом отсвете невидимого месяца будто пар какой идёт из хлипкого стойла. Неужто пермяки вернулись? Сразу проверять не стал – другим занят был. Но, облегчившись, решил всё ж таки глянуть, что там делается. Вздрагивая от цепкого морозца, вперевалочку подступил к шаткой двери, прислушался – так и есть, полон хлев скотины! Спит, сопя и фыркая, даже всхрапывает подчас, а издали, со стороны леса, будто заунывный голос несётся. Слабый такой, жалостливый, но отчётливый. Замер Савка в удивлении, наострил уши. Точно, поёт кто-то, да не где-нибудь, а на капище. Купец протянул пальцы к двери, осторожно приоткрыл её. Хотел тихонько, да куда там – скрежетнуло так, будто борозду пропахал. Глянул внутрь, поморщился от липкой вони, шибанувшей в нос, поводит глазами туда-сюда. Опустив взор, упёрся взглядом прямо в огоньки чьих-то зрачков. Присмотрелся: на медвежьей шкуре, расстеленной в узком пространстве меж стойл, лежала, опасливо сжавшись, женщина-зырянка, а рядом теснились дети, двое мальчишек лет шести. Один из них спал, приоткрыв рот, а другой испуганно пялился на вошедшего и безотчётно шарил под собой ладонью – видно, искал нож. Савка не стал дожидаться, пока он найдёт его, высунул голову обратно, закрыл дверь. Ишь, устроились! В дома свои войти побоялись, в стойлах ночуют, стало быть. И не холодно им, поганцам.

Зябко поведя плечами (напрасно кожух не накинул, до ветру идучи), двинулся в сторону кумирни. Не разглядеть было издали, что там творится, но и так было понятно – ворожат.

Чем ближе подходил он к опушке леса, тем пронзительнее становился голос. Холод, сковывавший щёки, прокрадывался к самому сердцу, заставлял дрожать всё тело. Савка почувствовал страх. Вернуться? Нет, теперь уж не отступит. Раз пришёл, надо идти до конца.

Он подошёл ближе, к самой опушке, взгляделся в темноту, из которой плыл тихий невнятный напев. Голос был тонкий, протяжный, но не звонкий, а сиплый, старческий. Савелий остановился на мгновение, осенил себя крестным знамением и ступил во тьму. Прищурившись, разглядел в сумраке несколько стоявших полукругом деревянных идолов, а у их подножия – людей, сидевших со скрещенными ногами. К его удивлению это были вовсе не зыряне, а ушкуйники вместе с Буслаем. Тьма за их спинами шевелилась, вздыхала, будто истекала дымом. Старик в яркой хвостатой шапке с бубенчиками, прикрыв глаза, бормотал что-то быстро-быстро, звуки сливались в единый поток, так что казалось, будто шаман тянет песню. Савке стало не по себе.

– Господи, помилуй, – вырвалось у него.

Он заметил, что тонкие губы истуканов светятся странным отливом. Кровь! В кустах большим куском мела просвечивал труп обезглавленной курицы. Кто-то дотронулся до его ноги, и Савка чуть не подпрыгнул, тихонько ойкнув. Скосив глаза, увидел поповича Моислава. Тот тарасился на него, задрал голову, и чему-то улыбался, до одури похожий на одного из тех чертенят, что кривляются на иконах и фресках. Взмахнув веками, попович кивком пригласил купца сесть рядом. Зловещая улыбка его до того поразила Савелия, что он оцепенел. Напившиеся крови идолища окружали его словно жадные духи леса, и хотя не двигались с места, но гримасничали и высовывали языки. Деревья надвинулись на купца, над головой заухла сова, а где-то совсем рядом раздался тяжкий вздох.

– Матушка-Богородица, пронеси, – испуганно промолвил Савка.

Он попятился, выставил перед собой ладони, словно тщась оградить себя от зла. Заметались глубоко в темноте жёлтые огоньки чьих-то хищных глаз, потемнели и вмиг пропали измазанные кровью губы божков, закачались, заскрипели на ветру деревья. Не выдержав, Савка развернулся и опрометью бросился прочь. Он нёсся, проваливаясь в какие-то рытвины, больно ударяясь пальцами о кочки, чуть не врезаясь в появлявшиеся из мрака

постройки. А за спиной его вдруг грянул и раскатился вдруг чей-то хохот, и засвистел кто-то, заухал, а потом раздался короткий окрик, и всё стихло.

Устыдившись внезапного испуга, купец сбавил ход и обернулся – нет ли погони? Но всё было спокойно, даже ветер унялся и страшные жёлтые очи больше не прыгали в лесу. Сразу взяло сомнение: уж не померещилось ли? Савка перевёл дух, чуть пошатываясь, направился к избе, где мёртвым сном спал Сбышек. «Отче наш иже еси на небеси...» – бормотал он, пытаюсь отогнать тёмные чары. Подумалось: «Может, к попу сходить? Освятит он меня, разрушит наговор...». Нет, к попу нельзя – ещё укорять начнёт: неча, мол, трепетать перед кудесниками, о Боге лучше думай! У отца Ивана понимания в таких вещах не найдёшь...

Савелий достал из-под рубахи серебряный оберег в виде маленьких челюстей медведя, поцеловал его, затем перекрестился. Ввалившись в избу, прошёл в тёмную горницу, задел макушкой низкие стропила, выругался.

– Чего сапожищами стучишь, людям спать не даёшь? – послышался ворчливый голос.

Савка усмехнулся, понемногу успокаиваясь, ощупью добрался до лавки, сел. Спавший на топчане по другую сторону комнаты Сбышек заворочался в темноте, засопел, прокашлялся.

– Ты что ли, Савелий?

– Я.

– Случилось чего?

Купец нашарил кувшин с отваром, хлебнул через край. Тяжёлое дыхание его со свистом разносилось по избе.

– Волхв тут какой-то ворожит. На капище его встретил.

– Зарубил?

– Нет.

– Отчего?

– Смутил он меня. Колдовство навёл.

– Тем паче зарубить следовало.

– Страх он в меня вселил. Сам не знаю, чего испужался. Удирал без оглядки.

– Худо дело. Потолкуй завтра с отцом Иваном. Может, с Божией помощью изгонит бесов.

– Куда ему против зырянских чародеев! Как бы сам не пропал, бесов-то изгоняя.

– Ладно. Утром потолкуем.

Сбышек замолчал, и вскоре с топчана донеслось его сонное сопение. Савка же, посидев ещё немного, опять сходил на двор до ветру (прихватило что-то со страху), затем вернулся в дом и тоже плюхнулся на лежанку. Скоро он уже спал без задних ног, и лишь тревожные вздохи выдавали пережитой ужас.

Глава вторая

Не знал ещё воевода, не прозревал своим опытным глазом, так поднаторевшим в разных сшибках и походах, что сам Господь Бог послал ему в помощь Арнаса. Не простой то был человек, а неистовый, отмеченный судьбой, посланный на землю для великих свершений. И хоть не был он воителем, сердце его горело похлеще иного бойца.

Сызмальства Арнасу тесно было в пермяцких топях, тошно в лесном безбрежье. Оттого и бедокурил, не давая покоя соплеменникам: сначала чуть не утёк с белозёрскими ватажниками, затем подрался с молодым воем из охраны новгородского емца, подставив под удар весь павыл, потом замыслил сколотить отряд налётчиков, чтоб наводить страх на окрестные веси, да отец-пам не позволил, ахнул кулаком по столу, утомлённый сыновней дурью: «Хватит молодечество своё тешить. Пора тебе, сын, жениться». Невесту подобрали быстро – за будущего шамана какая не пойдёт? Тут тебе и почёт, и довольство, и безопасность опять же. Пам – лицо неприкосновенное, кто на него руку подымет, у того не только рука, но и чего похуже отсохнет.

Арнас совсем уж было согласился, да неугомонность взяла своё. Как представились ему домашние заботы, как взглянул он на соседей, закольцованных в бесконечных трудах и мытарствах, так душа-то и потемнела. Это что же, до самой смерти в болотах сидеть, комарьё давить? Возопило в нём всё, наполнилось страхом, понял он: если сейчас не переменить судьбу, потом уж поздно будет, унесёт его поток серых будней и не вырвешься из него, как ни старайся. А ещё другое сокрушило его дух: видел он, что бессильны и робки его земляки, зажаты они меж сильных врагов как меж волка и медведя, и нет им спасения, одна лишь надежда – авось передерутся хищники между собой, глядишь, и отстанут. Медведь – это, понятно, славяне. Но они далеко, приходят редко, много не требуют. А волки (сиречь – югорцы) налетают часто и целой стаей. Эти всё грабят подчистую. Года не проходило, чтоб не нагрянула из-за Урала ватага лихих разбойников, пришедших разжиться оленями и рабами. Являлись иногда и хонтуи на нартах, запряжённых сохатыми, приводили с собой оравы головорезов. Разве могли тягаться с ними разбросанные вдоль рек зырянские деревеньки? С трудом сносил Арнас такую немощ своих соплеменников. Всё в нём стонало от бессилия. Грезилось ему, что разбогатеет он, накупит себе оружия и броней, наймёт мастеров и построит в родном павыле крепостцу, коя станет зародышем великого зырянского княжества, страшного для врагов и доброго для друзей. Но как осуществить такое? Как замахнуться на великое, когда кругом одним трусы и себялюбцы? Один лишь способ был ведом Арнасу: уйти к новгородцам. Там он наживёт себе состояние, там выбьется в большие люди.

И вот, не дожидаясь свадьбы, прихватил он топор, лук со стрелами, взял кой-какие пожитки и тёмной ночью уплыл на лодке вниз по Печоре. Пусть невеста убивается и клянёт его на чём свет стоит, пусть отец рвёт и мечет – что с того? Он увлечён великим делом, а всё прочее – пустяки. Так утешал он себя, отбивая наскоки совести.

Добравшись со многими передрягами до монастыря на Онеге, прибился там Арнас к своим соплеменникам, что валили лес для монахов. Год проходил в лесорубках, потом возглавил плотничью артель из земляков-чудинов. Вокруг монастыря понемногу вырос посад, расчистились поля, отступили непроходимые чащобы. Явились откуда-то ещё славяне, только не новгородского говора, а иного, тоже срубили деревеньку, начали женихаться с зырянками, учить пермяков складывать печи и сеять рожь. Жизнью наполнялись малолюдные прежде места, живи да радуйся, но Арнас затосковал. Со страхом чувствовал он, что сам будто прорастает корнями, проседает в эту трясиину, напрочь забывая о своём предназначении. Как не погасить ярко пылавший огонь в сердце? Как не споткнуться, идя к великой цели? Полный досады, вновь разорвал он невидимо оплетающие его узы и устремился обратно в родной

павыл, чтобы опять ощутить тот дух, который толкнул его когда-то к приключениям, чтобы ещё раз впитать в себя дрожащую изморозь прикаменных ветров и тихое отчаяние безнадёги, а там, с божьей помощью, и вернуться на путь витязя.

Но миродержцы готовили для Арнаса новое испытание. Едва добравшись до дома – порты и обсохнуть не успели от печорской влаги – он тут же попался в руки югорцам, которые как водится нагрянули из-за Камня. Соседи по павылу успели скрыться в сорге, а Арнас чуть задержался – то ли утратил нюх на такие дела, то ли разучился бегать от врагов за пару лет житья-бытья при онежской обители.

Его угнали за Урал. Теперь он был не знатный плотник, а раб, чья жизнь стоила дешевле саней. Для него, артельного мастера, такая доля была несносна. С первого дня мечтал он о побеге, всё примерялся, выискивал способ. Но удрать сумел лишь через пять лет – и не потому, что чутко стерегли, а потому, что и бежать-то было некуда: кругом тайга да болота, да прожорливый гнус – сам не помрёшь, комарьё всю кровь выпьет. Бежал он зимой, на краденой собачьей упряжке, месяц пробирался по заиндепевшим урманам и мёртвым топям, голодал, морозил руки, чудом ушёл от волков.

Домой вернулся, но большой радости не обрёл. Грёзы о княжестве, крепостце и богатстве рассеялись в гудящей хмари югорских болот, а на смену им пришли ярость и жажда мести. Пожалел Арнас теперь, что не обзавёлся семьёй, когда возможность была – ждали бы его сейчас ласковая супруга да шумные дети, а ныне девки и сами от него шарахались, как от хворого. Да и то дело: ежели в двадцать пять лет в бобылях ходит, стало быть, не в порядке что-то с ним, изъян какой-то в теле. Так думали все, так и отцу его отвечали, когда замыслил он новое сватовство для непутёвого отпрыска сладить. Не хотели люди отдавать дочерей за одержимца, пусть даже и шаманских кровей. Жизнь, казалось, подошла к концу, что оставалось делать Арнасу? Идти в услужение русичам? Может, хоть там он обустроит свою колченогую жизнь? Так и промаялся он без толку добрых полгода, раздумывал, что делать, пока не облетела тайгу весть об идущих на Югру новгородцах. Прослышал об этом Арнас и воспрял духом. Теперь-то он знал, как поступить. Отец хмуро предрёк: «Одних волков на других поменять хочешь». Но сын лишь отмахнулся. После стольких несчастий он готов был полезть хоть в пасть к Куль-отыру, только бы насолить ненавистным югорцам. Жизнь его вновь обретала смысл, а дальше – будь что будет. На то ведь и выбрали его боги, чтобы стал он одержимцем.

Ни доли сомнений не испытал Арнас, когда решил выдать славянам место, где прятались его соплеменники. Ведь без зырянских оленей русичи перемерут в снегах и некому будет отомстить югорцам за обиды пермяцкие. В конечном итоге, он радеет за свою землю: если не новгородцы, то кто оборонит зырян от жадных югорцев?

Пока добрались до распадка, похолодало. Темнеть пока не начало, но вечер уже подкрадывался, осторожно покалывая морозцем. Скрытые косогором, зыряне грелись у костров, кутаясь в малицы, многие спали, забравшись в шалаши, а поодаль, там, где овражек выходил к луговине, паслись олени. Стоял негромкий гул голосов, нарушаемый окриками пастухов и возгласами детворы.

Ушкуйники подошли незамеченными, однако стоило им выйти к краю распадка, как снизу грянул собачий лай. Пермяки словно очнулись, забежали, похватали луки, начали пускать в новгородцев стрелы, но всё как-то бестолково да мимо. Видно было – не ожидали они увидеть здесь новгородцев, растерялись. Женщины подняли вой, завизжали, вцепившись в волосы, дети прыснули кто куда. Буслай сгоряча хотел было взяться за меч, но Арнас бросился вперёд, затряс руками, будто огромный паук, заорал что есть мочи сородичам:

– Перестаньте, глупцы! Им нужны олени, не вы! Новгородцы спасут нас от Югры!

Услышав его голос, пермяки стрелять перестали, но луков не опустили. Пам выбрался из шалаша, погрозил сыну кулаком.

– Чтоб тебя злые духи взяли, негодяй!

Арнас не смутился.

– Я пришёл за оленями. Отдайте по хорошему, всё равно отнимут.

Бывшая невеста его крикнула:

– Голодом нас уморить хочешь, мерзавец? Своих детей не родил, теперь чужих изводишь? Чтоб ты сдох, подлец!

– Не отдадите так, возьмут силой, – упрямо повторил Арнас.

– Пусть берут, нам всё равно без скотины пропадать...

Пам устремил на него указующий перст и оглушил страшными словами:

– Именем Нум-Торума, владыки неба, и Ими Хили, повелителя людей, заклинаю духов лесных и речных вредить пришельцам во всех землях и водах, в лесах и горах, в оврагах и пещерах, да изнемогут они в пути своём, да бежит от них всякий зверь, да уплывает рыба и улетает птица, пусть ослабнут тела их и помутится разум их, пусть убивают они друг друга, а оставшихся пусть пожрут чудовища Мэнки. Да будет сей человек рассадником моего проклятья, и да не умалится сила проклятья, покуда человек сей ходит по земле...

Как не разорвалось у Арнаса сердце от жестокой речи отца, как не хватил удар при мысли об утрате единственного, кто был близок ему? Но он лишь остервенился, рывкнул:

– Хватит, отец! Ныне боги за меня, ибо я – их оружие.

Буслай, устав слушать непонятное лopotание, рыкнул:

– Скажи им: добром не отдадут скотину, перережем всех к лешему. И хибары с дымом пустим.

Арнас хотел было перетолмачить, но удержался – к чему было ещё пуще злить соплеменников? Сделал вид, что переводит, а сам сказал:

– Олени вернутся к вам следующей весной. С прибытком.

– Ой ли? – насмешливо выкрикнула бывшая невеста.

Пермяк пожал плечами.

– Ваше дело.

Вот так – и понимай, как хочешь.

Поругавшись, ударили по рукам: зыряне отдают скотину, а русичи за каждую голову платят серебром.

Обратно двинулись уже затемно. Русичи шли весёлые, задорно перекликались:

– Якша!

– Ась!

– Правей бери!

– Куды правей-то?

– Сепетишь, паробок!

– Иди к лембою...

Один из них, долговязый и тонорукий, подступил к Арнасу, сказал:

– Слышь, зырянин, ты попроси этого кудесника, чтоб помолился за нас богам. А уж мы внакладе не останемся. Лады?

Странный это был русич: не вой, не купец, больше похож на монаха или метальника, из тех, что носят с собой торбу со свитками и десяток заточенных перьев. Буслай называл его Моиславом – громкое имя, чуть не княжеское, хотя обладатель его не внушал к себе почтения: вертлявый, шарящий повсюду горячечным взором, не к месту ухмыляющийся. Арнасу он не понравился. Ещё на судне этот Моислав не сводил с пермяка блестящих чёрных глаз, будто порывался что-то сказать ему, да робел перед Ядреем; потом нежданно-негаданно

оказался в одной лодке с Арнасом, а затем и вовсе потащился с ним в лес. Зачем? Почему? Может, соглядатай это, приставленный воеводой?

Пермяк покосился на него, смерил холодным взглядом и чуть заметно кивнул.

– Лады.

Утром, при солнечном свете, Савка ощутил себя увереннее. Умывшись и потрапезничав, решил учинить расспрос Моиславу, выпытать, что вчера на капище творилось и кто такое диво учинил. Но стоило ему высунуть нос на улицу, как тут же попал под обстрел ушкуйных насмешек.

– Портки-то не обмочил вчера, Савелий Содкович? Улепётывал будто конь ретивый, инда искры высекал.

У Савки захолонуло сердце. Хотел прожечь задир яростным взглядом, да не вышло, только ещё больше позабавил озорников. Счастье ещё, не все из них видали вчерашний срам, а то бы и вовсе проходу не было.

– Чего ржёте, идолопоклонники? – огрызнулся Савка. – Я вот попу-то сейчас скажу, каково бесов тешите, да ещё владыке о том донесу, чтоб неповадно было.

Но угроза не подействовала. Напротив, вызвала лишний хохот и новый поток шуток, а кое кто и засвистел, словно подгонял удирающего зайца. Поняв, что препираться бесполезно, Савка плюнул и пошёл искать Моислава. Долго шарахаться ему не пришлось: попович был уже на ногах и, сидя на завалинке, тихонько переговаривался с Арнасом. Кречетом налетел на них Савелий, переполошил, будто петух сонный курятник.

– А ну выкладывайте как на духу – чем вчера на капище занимались? Дьяволу небось поклонялись? Божкам требы подносили?

Попович не стал юлить, ответил прямым:

– Волхвовали мы там. Молились за успех похода, чтоб злые духи нас в Югре стороной обходили, и чтоб была нам удача в деле.

– Кошунствуешь? – зашипел Савка, изливая на него тот гнев, который не посмел излить на ушкуйников. – От Христа отрекаешься, Моислав?

– А ты-то, Савелий, с каких пор благочестия набрался? Отец Иван что ль застрашал? Или навьи здешние голову вскружили?

И впрямь, дивно было видеть такое рвение у купца, вчера ещё плясавшего на русалиях и слушавшего скоморошины. Не иначе, обиду какую возымел на поповича, вот и ярился.

– Ты мне поговори, – процедил Савелий, сверху вниз глядя на Моислава. Он перехватил на себе взгляд пермяка и рявкнул: – А ты что пялишься, языческая морда? Или порядку не знаешь? А ну, шапку долой! – Савка кулаком сбил дублённую скуфью, взвихрил волосы на голове зырянина. – Где кудесник вчерашний? Отвечай, скотина! И не вздумай врать.

Растерявшийся Арнас вытянулся перед разбушевавшимся купчиной, заморгал, косясь на поповича. Тот пробовал было вступить, да куда там – разошёлся Савка, не уймёшь. По счастью, Савкин крик привлёк внимание воеводы. Услыхав громогласное сквернословие, Ядрей встревожился (а ну как ушкуйники набезобразничали?), поспешил к месту событий. Узрел купца и успокоился, буркнул, приблизившись:

– Ты чего, Савелий, колобродишь? С похмелья, что ль, или так, по горластости своей?

Купец обернулся, бросил взгляд туда-сюда (нет ли Якова Прокшинича поблизости?), и завопил:

– Непотребство тут и соблазн дьявольский. Вчера иду, вижу – камлают. А кто камляет-то? Буслай да Моислав с кудесником здешним. Что ж мне, терпеть это? Не могу снести поругание имени Христова, пускай покаются, замолят грехи перед Господом.

Ядрей аж покачнулся, спервоначалу решил – шутит купец. Но нет, не шутил Савка, орал от души.

– Ты что, Савелий, грибов что ль местных объелся?

Откуда ни возьмись и Буслай вырос.

– Срам он свой закричать хочет, робость притушить, – сказал ушкуйный вожак. – Оттого и разоряется.

Савка побагровел.

– Где шаман твой? – завопил он на Арнаса, не посмев препираться с Буслаем. – Дай мне его сюда, уж я ему всю душу вытрясу.

– Неча шуметь, галок пугать, – небрежно бросил ему попович, уводя пермяка. – В Югре свою удаль покажешь.

– Ну погодите же у меня, – с ненавистью произнёс Савка ему вслед.

Он досадливо плюнул и двинулся к берегу реки. Лёгкий осенний морозец пощипывал щёки, зябкий ветерок гулял меж голых берёз и размашистых сосен, присыпанная сухой листвой грязь, вязко чавкая, норовила утянуть сапоги. Бледное солнце просвечивало сквозь мутную серую плёнку облаков, не грея и не даря радости. Бугристый пенистый урман по ту сторону Печоры громоздился зелёной кашей, подступая к самой воде. Купец вышел на узкую каменистую полосу у реки, кинул взгляд по сторонам. Слева, где стояли струги, слышались окрики, смех и беззлобная перебранка, от судов к берегу и обратно сновали лодки, полные людей и каких-то грузов в бочках, крынках и корзинах. От лодок расходились большие волны, которые, постепенно слабая, с ленивым тихим плеском доползали до ног Савелия. Справа по всему окоёму раскинулась дремучая нетронутая дикость, погубившая уже не один десяток русских жизней. Внешне она казалась неопасной и пустой, но где-то там, в глубине, затаившись в берлогах и коварных омутках, ждала своего часа беспощадная пермяцкая нечисть, все эти менквы и пупыги, кули и ламии, готовые в любой миг напасть на зазевавшегося путника и унести его душу прямоком в лапы дьяволу. Купец окинул свирепым взором колючее безбрежье зырянской чащи и не спеша направился вдоль берега.

Ох и взвился ж отец Иван, прознав от Савки о ворожбе на капище, ох и взъярился, хоть святых выноси. От гнева впал в кликушество, цепнем присосался к воеводе, грозя ему казнями египетскими.

– Не будет нам успеха, покуда не причастятся греховодники, – вещал, остервеняясь.

Ядрей только морщился, досадуя на Савку – не мог смолчать, поганец. Теперь вот выслушивай обличения поповские.

– Довольно глотку драть, батюшка, – осадил он попа, не выдержав завываний. – И без тебя тут горлопанов хватает...

Поняв, что с воеводы проку не будет, отец Иван пробовал воздействовать на Моислава с Буслаем, подступал к ним, страдал геенной огненной. Но те лишь потешались над ним, ввергая священника в бешенство. Савка сычом сидел на струге и хлебал брагу, подносимую челядинами. Хотелось ему поскорее забыть вчерашний день, вымести его из памяти, чтоб и ошмётков не осталось. Со злости так набрался, что и не заметил, как струги отчалили.

Потянулись взгорья, поросшие кедром и лиственницей. Чувствовалось приближение хребта. На вздыбившихся берегах временами мелькали убогие деревеньки; их жители высыпали к краю обрыва смотреть на проплывающих гостей. Пермяки больше не боялись их – взобраться на крутояр был не так-то легко, и местные чувствовали себя недосыгаемыми. По ночам река у берегов покрывалась тонкой коркой льда, а паруса хрустели от инея.

– Через седмицу можно будет на лыжи вставать, – опытным глазом определил Яков Прокшенич.

– Значит, пора готовить нарты, – ответил Ядрей.

Из Печоры вошли в Илыч, что на языке пермяков означало «Далёкая река». Здесь уже начинались земли, враждебные даже зырянам. Берега обзавелись бронёй из скал, кедровые

чащобы прорежались каменными залысинами. Солнце окончательно пропало за тучами и слабо проступало сквозь тягучий недвижимый туман, похожий на задымлённую, ставшую вдруг полупрозрачной сталь. Иногда налетала метель, волновала реку, хлопала застывшими парусами с вышитым на них лучистым Ярилом. Свежие хрупкие льдины не таяли, а величаво влеклись по течению, скребя о борта новгородских стругов.

– Слышь, пермяк, не пропустим мы Югорскую реку? – беспокоился Яков Прокшинич.

– Всё показать. Всё будет, – успокаивал его Арнас, заискивающе кивая.

Наконец, подходящее место для стоянки было найдено. Пологий галечный берег был покрыт редким тальником и чахлыми молодыми берёзками, слева громоздился утёс, справа вспучился холм, утыканный высокими соснами. И никаких признаков жилья вокруг. Русичи вытащили на берег струги, поставили шатры и чумы.

Вот тут-то Ядрей и решил вспомнить о Боге. Пермская земля заканчивалась, начиналась Югра: кто знает, что ждёт там ратников? Призвал к себе попа, сказал ему:

– Пришло твоё время, отец Иван. Надо бы воям грехи отпустить напоследок. Чтоб совесть спокойна была.

– Исповедовать-то каждого – умаешься, – уклончиво ответил священник.

– А ты без исповеди, всех скопом.

– Да как же без исповеди-то?

– Да вот так. Или Господь не снизойдёт до нужды людской? Видит же – недосуг нам.

Батюшка тяжко вздохнул и, сокрушённо покачивая головой, ушёл готовиться к таинству.

Откладывать не стали: причастили всех на следующий день. Новгородцы выстроились на берегу, длинной подковой окружив священника. Тот нараспев читал из Молитвослова, с сухим звяканьем махая медным кадилом. Козлиная бородка его дрожала в синеvато-розовом воздухе, кадильный дым плодил одного за другим клочковатых призраков. Чернота над утёсом поблекла, распоролась на несколько кусков, швы клубились жемчужными переливами. Лунный серп ещё виднелся на бледнеющем небе, но походил уже на застрявшую в сферах речную гальку. Колючий морозец давил на ноздри, пронизывая до костей.

– Боже! – протяжно выводил отец Иван. – Отпусти, разреши, прости мои согрешения, кои я совершил словом, делом, помышлением, вольно или невольно, сознательно или несознательно, и, как милосердный и человеколюбивый, даруй мне прощение во всем. И по молитвам Пречистой Твоей Матери, разумных Твоих служителей и святых сил от начала мира угодивших Тебе, благоволи мне без осуждения принять святое и пречистое Твое Тело и честную Кровь во исцеление души и тела и в очищение худых моих помыслов...

Отец Иван всё читал и читал, ратники маялись, а в стороне от всех, стоя возле чума, взирал на это действие пермяк Арнас. Не впервой уже наблюдая за обрядами русичей, он с трудом сдерживал зевоту. На Онеге довелось ему вдоволь насмотреться на все эти песнопения, кадила, омофоры и облатки. Как положено, принял там крещение от настырных монахов, чтоб не гневить русского бога, но христианских канонов не усвоил. Да и зачем? Христос силен в своей земле, а в зырянской хозяин – Нум-Торум. Ему надо кланяться и требы носить. Был у него когда-то наперсный крестик, но теперь уж потерял, а новый сладить руки не дошли. Может, оно и к лучшему. Отогнать здешних демонов русский оберег всё равно не в силах, а привлечь чужую нечисть – запросто.

Отец Иван между тем заливался:

– Уже я стою пред дверями Твоего храма, а нечистые помыслы не отходят от меня. Но Ты, Христе Боже, оправдавший мытаря, помиловавший хананеянку и отверзший разбойнику двери рая, отверзи мне двери Твоего человеколюбия и прими меня, приходящего и прикасающегося к Тебе, как блудницу и кровоточивую...

Слова молитвы, рождённые в душевной келье далёкого монастыря, разносились над заволоцкой тайгой, бросая вызов всем грозным стихиям, повелевавшим этим краем. Истошный призыв к милосердию Божию, терзая слух повелителей зырянских душ, заставлял их пристально всматриваться в чужаков, нарушивших установленный порядок вещей. По громким голосом славил Христа, а из величавых рек и безмятежных лесов, из лазурной бездонности небес и пещерного мрака горных недр следили за ним огненный ящер Гондырь и волосатый леший Висела, грозный ниспосылатель несчастий Омоль и беззаботный охотник Пера.

Наконец, молитва закончилась, и священник удалился в свой чум. Выйдя обратно, с трудом выволок деревянную кадку, полную вина. По толпе ушкуйников пронёсся страдальческий вздох.

– Верую, Господи, – опять запел отец Иван, выпрямляясь, – и исповедую, что Ты истинно Христос, Сын Бога живого, пришедший в мир спасти грешников, из которых я первый. Верую также, что именно сие есть пречистое Тело Твое, и именно сия есть честная Кровь Твоя...

С телом Христовым он погорячился – не было на стругах хлеба, чтобы выдать его за облатку, но это не смущало отца Ивана. Он видел главное: причащаясь крови Христовой, люди разжигали в себе угасающий огонь истинной веры, развеивали смрад языческих волхвований, готовых затопить нестойкий разум тёмного люда. За это Господь должен был простить ему отступления от обряда. Закончив молитву, батюшка обратил взор на Ядрея.

– Приблизься, воевода.

Тот подступил. Отец Иван зачерпнул из ведра маленькой ложечкой и поднёс её к губам Ядрея. Воевода, перекрестясь, отпил, поцеловал нательный поповский крест и встал за спиной священника. Затем начали подходить остальные ратники.

В жилище к верховному югорскому хонту Унху явились на совет племенные вожди и старейшины родов. Унху закатил пир, роздал гостям по серебряному блюду и по упряжке молодых и резвых лосей. Вожди пили и веселились, громко славя щедрость кана. Все понимали, что владыка пригласил их неспроста, и это знание распирало их гордостью, придавая важности в собственных глазах. Унху не разубеждал их, напротив, старался воздать каждому честь и, всячески проявляя отеческую заботу, внимательно следил, чтобы гости не имели оснований обижаться на небрежение. Ему очень важна была их поддержка. По сведениям, доставленным ему с той стороны Урала, злобные новгородцы не смирились с утратой югорских владений, и не позднее чем к началу зимы должны были нагрянуть снова. Большой отряд уже шёл по Выми. Надо было думать, как защититься от назойливых славян.

И вот, когда вожди утомились забавами с наложницами и протрезвели от браги и сара, хонту открыл совет.

– Все вы знаете, что происходит, – промолвил он. – Русь вновь идёт на нас. Теперь она собрала большую силу и не будет так беспечна, как раньше. Нам не застать её врасплох – славяне готовы к бою и обзавелись проводником, знающим наши тропы. Если мы хотим оборонить свои дома и святилища, своих жён и детей, надо держаться сообща. Не думайте отсидеться в чащах и буреломах – русь пожжёт ваши дома и угонит стада, она разорит ваши храмы и надругается над богами. Она не успокоится, пока не заставит вас отдать ей всё, что у вас есть, и будет приходить снова и снова, пока не отнимет последнее. И когда нам не останется чем одарять богов, творцы перестанут помогать своим детям, и русь навяжет нашей земле своего бога. Так будет, если ныне новгородцы не получают отпора. Вот почему я созвал вас.

Хонтуи закричали, тяжело вздыхая, заёрзали, кто-то поспешно уткнулся в чашу с отваром. Кан недовольно оглядел всех.

– Что же скажете вы мне в ответ, братья? Готовы ли вы вместе со мною встретить врага лицом к лицу?

Все взоры обратились на старейшего из них – лысого и обрюзгшего Олоко. Тот молитвенно закатил глаза.

– Если в воле богов лишить нас свободы, можем ли мы спорить с ними? А если бессмертные хотят защитить нас, русь обречена на поражение.

– Как же узнать нам, чего хотят боги? – нетерпеливо спросил Унху.

– Надо спросить пама.

Все облегчённо зашевелились, закивали в ответ.

– И верно, спросим пама. Он-то должен знать волю богов.

– Что ж, если таково ваше решение, спросим пама, – согласился кан. – Но прежде хочу взять с вас клятву: обещайте мне исполнить волю бессмертных, какой бы она ни была.

Хонтуи удивлённо переглянулись.

– Разве мы можем нарушить желание богов? – воскликнул молодой и вспыльчивый Аптя.

– Поклянитесь идти той тропой, что укажут бессмертные, – упрямо повторил Унху. – Поклянитесь душами своих предков.

– К чему это? – упёрся Аптя. – Если мы откажемся исполнять волю богов, они и так покажут нас.

– Тогда что тебя смущает, Аптя?

– Ты хочешь слишком многого, кан. Я не буду клясться.

– А ты слишком упрям, Аптя. И упрямство твоё может боком выйти всем нам.

– Я – хонтуй и сын хонтуя, и не позволю унижать себя, – надменно ответил Аптя.

– Разве моё желание унижительно для тебя?

– Да.

– Чем же?

– Ты как будто не доверяешь нам. Думаешь, будто мы хотим переметнуться к руси. Но разве шесть лет назад, когда ты бросил клич избивать новгородцев, кто-то из нас отверг твой призыв? Мы встали как один и отомстили чужакам за насилие. Отчего же сейчас ты требуешь от нас клятвы? Неужто сомневаешься в чём-то?

– Человек непостоянен, и лишь боги связывают его обязательством.

– В таком случае я принесу тебе клятву. Но только после обряда. А сейчас прошу не гневаться, я покину твой дом. Благодарю за угощение.

Аптя поднялся и вышел вон, скрипнув дверь. Слышно было, как он с грохотом сбежал по ступенькам.

Унху обвёл глазами оставшихся.

– Аптя проявил неуважение ко мне и к моему дому. Боги покажут его за это. – Он поднялся, и все поднялись вслед за ним. – Говорить с бессмертными будем сегодня на закате.

Вожди гуськом вышли из дома. Унху, проводив их взглядом, понуро опустил на лавку, потёр лоб. Потом зачерпнул ковшом браги из деревянной кадки и сделал большой глоток. Отставив ковш, он поднялся, набросил на себя кумыш и зачерпнул из берестяного ларца горсть серебряных монет. Ссыпал монеты в мешочек у пояса и вышел на крыльцо.

За высоким остроконечным тыном сплетались изломанные ветви сосен. Холодное солнце заливало слабым сиянием мшистые стволы. За соснами дрожала клубящаяся серая пелена, кружилось несколько птиц. Внутри ограды среди амбаров и скотников бродили лохматые слуги в истрёпанных грязных малицах, таскавшие воду в жбанах; из кузницы доносились звонкие удары молота, в хлеву взрывались олени. У закрытых на засов ворот скучали два копейщика в костяных доспехах и остроконечных шлемах с наносниками. На поясе у обоих висело по топорiku.

Подмораживало. Унху набросил на голову колпак, сбежал по ступенькам, крикнул воям:

– Отворяй!

Те задвигались, отставили в сторону копья, вытащили большую деревянную щеколду и распахнули тяжёлые створы. Кан вышел в город.

Перед ним распростёрлась площадь, заставленная по окружности деревянными идолами. На площади шёл торг: шумели зазывалы, бегали туда-сюда невольники с мешками на спинах, громыхали сани, бренчали товаром оружейники и гончары, ругались друг с другом покупатели моржового зуба. Унху с трудом протискивался сквозь это скопище, вынужденный то и дело огибать оленьи упряжки и отбиваться от назойливых продавцов. Наконец, вырвавшись из столпотворения, он нырнул в длинную улицу, стиснутую с двух сторон продолговатыми, наполовину вкопанными в землю бревенчатыми домами с большими узорчатыми стропилами. Посреди улицы росли сосны и ели, украшенные разноцветными ленточками, на перекрёстках возвышались громадные многорукие истуканы. Над домами, окружённые изгородями, торчали на столбах амбары. По улице бродили собаки, у крылец на завалинках сидели мужики: строгают поленья, тачали одежду, подправляли нарты, курили сар. Завидев кана, улыбались, почтительно кивали.

– К паму идёт, – шептали друг другу югорцы.

Все знали: раз Унху выходит со двора пешком и без ратников, значит, направляется к паму. В дни испытаний такое случалось нередко.

Унху был погружён в мрачные думы. Его тревожила мысль, не успели ли другие вожди, предугадав его намерение, выставить охранение вокруг дома шамана. Думать об этом не хотелось, но если такое случилось, кан готов был даже расстаться с серебром, лишь бы заручиться поддержкой хонтуев. Он не мог проиграть, не мог вновь попасть под новгородское ярмо. Это было слишком унижительно.

Свернув вправо, Унху немного поплутал в проходах меж домами и вышел к жилищу шамана. Оно находилось возле самого тына, отделённое от прочих строений широкой площадкой, на которой обычно толпились просители. Сегодня тоже там маялось несколько человек, у ног которых стояли корзины с подарками. Один из них держал под уздцы жеребёнка. Бесцеремонно растолкав народ, кан подошёл к низкой двери, громко постучал.

– Я к тебе, Кулькатли! Примешь меня?

Подданные молча взирали на него. Некоторые из них ожидали своей очереди со вчерашнего дня, но разве можно спорить с правителем?

Дверь слегка приотворилась, изнутри показался большой орлиный нос старика.

– Зачем ты пришёл, Унху?

– Мне надо поговорить с тобой.

– Я занят сейчас.

– Я не могу ждать, – отрезал вождь.

Пам обречённо вздохнул, бормоча: «Ай-яй-яй...», закрыл на мгновение дверь, затем вновь открыл её, выталкивая какого-то человека с корзиной, прижатой к животу.

– Иди-иди, – торопил его шаман. – Видишь, недосуг мне сегодня.

Узрев вождя, человек заморгал, колени его подогнулись, он хотел было бухнуться наземь, но преодолел робость и засеменил прочь. Пам встал в проходе, разогнул спину, с наслаждением потянулся.

– Давно ждёте? – спросил он собравшихся.

– С самого утра, – наперебой заговорили просители. – А то и с вечера.

– Ну, обождите ещё немного. Видите, неотложное дело.

Отступив в сторону, он пропустил кана и закрыл дверь. Унху остановился посреди горницы, сморщился от резкого запаха пахучих трав, потёр слезящиеся глаза.

– Как ни захожу к тебе, Кулькатли, всё время дух шибает. И как ты тут живёшь?

– К богам так просто не достучишься, – просто ответил шаман. Он показал на лавку возле стены. – Присаживайся, повелитель.

Маленькое окошко слабо пропускало свет. В полумраке шаман казался ожившим мертвецом: дряблые бледные щёки, острый нос, бескровные губы, тёмные, глубоко посаженные глаза. Росту он был высокого, под потолок, сухопарые кисти на длинных руках свешивались словно древесные корни. Под стать хозяину было и помещение. На полках вдоль украшенных пасами стен теснились бесчисленные коробочки и горшочки с диковинными зельями, с верхних балок свисали пучки сушёных растений, внизу, под лавками, громоздились крынки, сундучки и корзины. Повсюду висели амулеты, из огромного короба в углу торчала гора соболиных, беличьих и лисьих шкур, на столе поблёскивало широкое серебряное блюдо со звериной чеканкой, на котором были выпцарапаны шаманские знаки; рядом с блюдом белели два пожелтевших медвежьих черепа, над входом красовались оленье рога. В горящем чувале булькала тёмная жижа, почти не выделявшая пара, зато источавшая слабый приторный запах. В углах кучами лежали иттармы прежних шаманов.

Кан подошёл к столу, отцепил от пояса мешочек и с громким звоном высыпал на блюдо монеты. Пам вскинул брови, тоже приблизился к столу, обратил внимательный взор на Унху.

– Видно, тяжкое бремя ты взвалил на себя, коль принёс столь щедрое подношение. Что тебя терзает?

– Сегодня вечером ты будешь камлать, выпрашивая у духов, угодна ли им война с русью. Я хочу, чтобы духи прислушались ко мне, чтобы они разделили мои устремления. Пусть духи скажут всем хонтуям, что мой выбор богоугоден. Сделай это для меня, Кулькатли.

– Как могу я, презренный смертный, склонять к чему-то высшие силы?

Кан схватил шамана за плечи, крепко сжал их длинными пальцами.

– Ублажи их. Заставь владык помочь мне. Ради этого серебра, ради собственной жизни, ради предков!

– Мне не дано предугадать желания духов, – кротко ответил шаман, отстраняясь от него.

Кан насупил.

– Что же ты хочешь от меня? Получить земное воплощение Колташ-Эквы? Засыпать твой дом песцовыми шкурами? Добыть сотню серебряных блюд для святилища? Говори.

– Я спрошу у духов, что им по вкусу, – тонко улыбнулся пам.

– Спроси. А заодно передай духам и демонам, что если русь победит, им солоно придётся от новгородского бога.

Унху направился к выходу. У самой двери обернулся.

– Не для того я получал канский пас, чтобы подставить выю под новгородский меч. А ты, если не поможешь мне, горько пожалеешь об этом.

Он вышел, с чувством ахнув дверью. Кулькатли шмыгнул носом, потёр лоб.

– Одержимый, – в восхищении обронил он.

Дым от костров, выложенных по кругу, лизал ствол священной ели, сочился меж игл и, рассыпаясь на множество отростков, возносился к небу, прозрачной зыбью колыхая звёзды. Кулькатли, облачённый в медвежью шкуру, с лицом в открытой пасти зверя, плясал и неистовствовал, потрясая бубном и выкрикивая заклинания. Помощники его бросали в пламя пахучие травы, корешки и кусочки грибов. Огонь вспыхивал, искрился, багрово озарял замороженные лица вождей и старейшин. Выкатив глаза, они наблюдали за танцем пама; им мерещилось, будто из дыма выпрастываются гибкие щупальца-руки, складываются в

страшные рожи вонючие клубы, а серебряный лик Нум-Торума, что стоял у подножия священного дерева, испускает жёлто-синие молнии.

– Повелитель трёх миров! – восклицал шаман. – Ты, сотворивший небо и землю, вдохнувший в нас жизнь, одаряющий и карающий! Призри своих детей, о владыка Нум-Торум, пошли нам духов, дабы открыли нам глаза и уши! Да не отвратится твой лик от чад своих! Да растолкует нам сын твой, Мир-Суснэ-Хум, чего желаешь ты и как велишь нам поступить! Дай нам знание! Пусть снизойдут к нам Хонт-Торум, Хуси и Энки, пусть придут Сяхыл-Торум, Най-эква и Этпос-ойка! Придите, придите, о бессмертные, наполните наши уши своими речами, ослепите наши смиренные очи своим обликом, да лицезреем вас во всём могуществе вашем! О мать-земля, благодетельная Сорни-Най, не отвергай наших приношений, покажи мудрость свою, прояви заботу свою! Взываем к тебе, да услышишь наши моления!..

Воины за спинами вождей ритмично ударяли копьями о землю, слаженно повторяя: «Гай! Гай! Гай!» Казалось, ещё мгновение, и вылетят из сосновой чащи злые духи-учи и людоеды-менквы, явится ведьма Йома и чудовище Комполен, и станут они терзать народ, а лунный бог Этпос-ойка со снисходительной усмешкой будет взирать на это со своих высей и потешаться над слабостью человеческой.

Метались в корзинах перепуганные голуби, жалко блеяли привязанные к деревьям козы, оглушительно громыхали дудки-чипсаны младших шаманов, а Кулькатли продолжал свою неистовую пляску, то подпрыгивая над кострами, то чуть не стелясь по снегу. Черным-черно отливала земля в блюдах, что стояли возле идолов. Отбрасывали холодные блики монеты, лежавшие в земле. Опьянённые люди всё громче ударяли копьями и всё яростнее выкрикивали свой клич, сами не понимая его смысла.

Наконец, шаман прекратил пляску и велел подтащить одну из корзин с голубями к огню. Крышку открыли, птицы вырвались на свободу и заметались в удушающем облаке дыма.

– Видишь, Унху? Видишь? – торжествующе завопил пам, разгоня голубей шестом. – Боги благоволят тебе. Они обещают удачную охоту на русь.

– Что ещё обещают мне боги? – жадно спросил кан, подаваясь вперёд.

Шаман сделал знак рукой, и к нему подвели козу. Достав нож, он одним движением вскрыл ей брюхо и извлёк бьющееся сердце. Подняв его над огнём и подержав немного, он бросил сердце в пламя. Издыхающая коза дёргала ногами, заливая кровью всё вокруг.

– Ещё, – прошептал Кулькатли.

Ему привели другую козу, а помощники достали из корзины нескольких кур. Шаман перерезал козе глотку, рассёк живот, вывернул требуху, а его помощники начали отсекал курам головы, чтобы по их бегу определить волю богов. Весь в липкой дымящейся крови, Кулькатли поднёс Унху капающие внутренности.

– Отведай, хонтуй.

Тот впился зубами в печень, откусил мерцающую плоть, а пам двинулся по кругу, поднося угощение каждому вождю.

– Открой, открой нам свою волю, Нум-Торум, – приговаривал он.

Воины, стуча копьями, наворачивали круги у священной ели. Они двигались всё быстрее и быстрее, пока не перешли на трусцу. Их древки взрыхляли снег, из глоток вырывались ритмичные возгласы, ноздри шевелились от вдыхаемых испарений. Хлопали крыльями голуби в корзинах, блеяли козы, заливались лаем собаки. Шаман сыпал из короба медные фигурки богов и демонов и пророчествовал большую войну.

– Грядёт, грядёт кровопролитие! – вещал он. – Уже вижу головы русичей, насаженные на колья, и сердца пленников, отданные Хонт-Торуму. Вижу страх в глазах чужаков и радость на лицах югорских бойцов. Вижу, вижу большую победу!..

Кан, хищно приоткрыв рот, наблюдал за ним. Остальные вожди, надышавшись дыма, тоже неотрывно следили за беснующимся памом. Кулькатли завертелся волчком и упал на колени, вороша грудю медных фигурок.

– Ервы и мяндаши, дайте мне ответ, – взывал он. – Кудым-Ош и Пера, дайте мне ответ. Здесь ли вы? Слышите ли меня? Видите ли? Скажите своё слово для имеющего уши: достоин ли сей человек говорить от вашего имени? Где вы, боги земные и небесные? Где вы, духи лесов и озёр?..

Пам замер, глядя в одну точку, и поднял руки. Всё стихло. Воины прекратили свою пляску, а младшие шаманы перестали гадать. Тишина повисла в роще. Только слышно было как потрескивает хворост в кострах да бьются в корзинах куры. Пам медленно повернулся, устремил перст на кана.

– Нум-Торум говорит: ты избран, чтобы нести его волю. Порази пришельцев, убей их всех, а оленей, которых захватишь, принеси в жертву. Нум-Торум говорит: к празднику медведя чужаки должны умереть. Таково слово Нум-Торума.

Шаман развернулся и, пройдя меж костров, сел у священной ели. Лицо его окаменело, веки медленно смежились. Унху, кряхтя, поднялся, горделиво посмотрел вокруг.

– Вы слышали голос Нум-Торума, – произнёс он. – Любой, кто ослушается его, пойдёт против воли богов. Так принесите же клятву быть верными мне и до последних сил сражаться с новгородцами.

– Мы клянёмся тебе, – вразнобой ответили вожди и старейшины.

– Я приглашаю вас на пир. Чаша пьянящей браги скрепит нашу дружбу.

Кан победно вскинул нос, бросил недобрый взгляд на Аптю и неспешно пошёл прочь. Воины потянулись за ним.

В ту же ночь угорел Аптя в собственном доме, а точнее, в избёнке, отведённой ему гостеприимным каном. Труба чувала засорилась, весь дым пошёл внутрь, а выбраться хонтуй не успел, пьян был вусмерть – Унху славно попотчевал вождей, радуясь благосклонности миродержцев. Нелепая гибель Апти заставила кана ухмыльнуться.

– Боги наказали его за неучтивость, – сказал он жене.

То же самое кан повторил и хонтуям, собравшимся по случаю смерти собрата. Те покорно склонили головы. Однако взгляды, которыми они обменивались, покидая дом Унху, говорили, что вожди не слишком-то поверили в такую мстительность бессмертных.

– Смерть гостя – плохое предзнаменование, – проговорил седой Олоко, самый старейший из хонтуев.

Остальные согласились с ним. Действительно, смерть – очень скверное начало для любого дела.

Глава третья

В сероватой дымке куцею северного дня расплывались на снежном ветру колья югорской крепостцы. Оседлав темя белого холма, она расползлась по сторонам посадами и дворами, словно насадка на яйцах, отторочилась рвами, подбоченилась сторожевыми башенками. Над стеной торчали верхушки идолов и шести с разноцветными лентами, с башенок поглядывали дозорные с большими луками. В крепостце стояла тишина, и только несколько ратников нарушало общую недвижимость.

Холм белым настом стекал к застывшей реке, по нему струились тропинки, виднелись следы югорских сапог из оленьего меха, лосиных копыт и санные борозды. Дремучий еловый бор теснился в низинах, словно чёрная вода вокруг кочки, языками подступал к подножию холма, но вверх не взбирался, оставляя широкое пространство для обстрела. Всё, что могло служить нападающим для укрытия, было пожжено, разломано, втоптанно в рыхлые сугробы. Югорцы хорошо подготовились к осаде.

– Ну что, воевода, огнём будем жечь или таран приготовим? – спросил Яков Прокшинич, глядя на ошетилившуюся тыном крепость. – Ворота, я гляжу, у них хлипкие. Двумя ударами снести можно.

– Можно-то можно, а только пока до ворот доберёшься, уж всех ратников положишь, – возразил Ядрей. – Югорцы горазды из своих луков стрелять. Почто зазря народ губить?

– Так что ж, осаду предлагаешь?

– Обмозговать надо...

Он обернулся к длинной змеевидной ленте оленьих нарт, растянувшейся по льду реки. Задумчиво обронил:

– И ведь стан нигде не разобьёшь. Один лес кругом...

– И что с того? – спросил неопытный в ратном деле Сбышек Волосовиц.

– А то, что в лесу к тебе любой подползти может. Глазом моргнуть не успеешь, как получишь стрелу меж лопаток.

– И что же делать?

– Поляну искать надо. Луговину.

Он опять обернулся, крикнул воям:

– Стан будем устраивать, ребятушки! Кто место углядит, маши мне.

Зимний обоз тронулся по льду меж набрякших от мороза ресниц лесного бога. Буреломы сменялись редкостоем, вспученные таёжные болота – выглаженной как скатерть снежной периной, а места для стоянки всё не находилось. Наконец, воевода скомандовал остановку и разослал по окрестным рощам разведчиков. Остальные вои на всякий случай спрятались за щитами. Разведчики долго где-то болтались, наконец, вернулись и сообщили, что нашли неподалёку голую сопку, подобную той, на которой ютился вражеский городок.

– Двинем туда, – сказал воевода.

Пока люди проталкивали сани меж задубевших деревьев, лезли на сопку и ставили чумы, Ядрей с боярами, житейными людьми и проводником размышлял над дальнейшими действиями. Дождавшись, пока вои разобьют стан, он отправился ещё раз осмотреть крепость. С ним пошла и вся знать с челядинами.

Снизу, от еловой опушки, городишко выглядел совсем нестрашно, этакое сельцо, огороженное заплотом. При княжеских сшибках на Руси такие посёлки горели десятками. Но здесь, в подмороженной северным океаном Югре, штурм представлялся делом накладным.

– Слышь, пермяк, – сказал Ядрей Арнасу. – Может, потолкуешь с ними? Авось так сдадутся?

– Аптя – кнеса гордый, – с сомнением ответил зырянин. – Не кланяться. Даже с кан спорить.

– Так-таки и гордый? Вот мы ему зад-то подпалим, чтоб гордость умерить. А ты всё же погудь с ним. Вдруг уладится.

– Сделать, воевода, – кивнул Арнас и устремился на лыжах к городку.

Сбышек Волосовиц вздохнул:

– С ним пойду. Мало ли что. – Подозвал к себе двух холопов с бронями и отправился следом.

Ждать возвращения послов пришлось долго. Русичи продрогли до костей, заиндевет-шая одежда их переламывалась в складках. Издали слышались весёлые голоса ушкуйников, стук оглоблей, треск хвороста, стук топоров. Ядрей смотрел, как посланцы его вскарабкались на холм, и Арнас замахал кому-то рукой. Сбыслав со своими людьми остался на склоне.

Над тыном показалась чья-то голова в ушастой шапке, начала говорить. Пермьяк слушал, кивал, что-то спрашивал, затем, окончив беседу, спустился к купцу. Вместе они направились обратно к воеводе.

– Ну что, сдаются они? – нетерпеливо спросил Ядрей.

– Сдаются, воевода, сдаются, – залопотал зырянин. – Аптя уже нет. Мёртвый. Кан убил.

– Лихо! – подивился воевода. – Знать, Господь на нашей стороне.

– Просить, чтоб в град не входила. Сами всё отдать.

– Ну ладно коли так. Скажи им, что скоро с войском приду, дань будем делить. И пусть не вздумают шутить! Разнесу их острожек по брёвнышку.

Арнас опять поехал к крепости, а воевода спросил у Сбышека:

– Кто говорил-то с ним? Что за харя в шапке?

– Да вроде младший брат князька местного. Того, которого ихний главный князь убил.

– А за что убил?

– О том не говорил.

Они повернули лыжи к стану. Подъезжая, увидели идущего к ним по колена в снегу отца Ивана.

– Дурное ты место выбрал, воевода, – объявил поп. – Рядом с югорской кумирней.

– И что с того? Богов ихних боишься?

– Не богов, а демонов. Чую я, полно здесь нечисти шныряет. Порубить бы идолов надо. Или стан перенести.

– Вот ещё! Буду я из-за каждого истукана людей гонять. Ежели боязно тебе, иди, вали этих идолов. А мы и так проживём.

Священник поджал губы и, укоризненно качая головой, удалился.

Весть о том, что городок сдался без борьбы, обрадовала новгородцев, но в то же время и расхолодила их. Вступая в югорскую землю, они не знали, чего ждать, а потому готовились к худшему. Теперь же, одержав лёгкую победу, русичи вмиг растеряли свою настороженность и решили, что югра – это та же чужь: задиристая, пока враг далеко, и робкая, когда он рядом. Воеводе не могли понравиться такие разговоры, но он и сам теперь не ведал, как следует держаться с местными. По опыту он знал, что одни народы любят ласку, а другие уважают только силу. Грозить тем, кто согласен покориться без боя, не имеет смысла и может только повредить делу. Зато допустить слабинку с горделивым племенем – значит, обречь себя на долгую и трудную войну. И вот, пребывая в сомнениях, Ядрей вызвал к себе пермяка и уединился с ним в чуме, подробно расспрашивая о Югорской земле.

На склон холма жители городка выволокли пять неглубоких вогульских нарт, гружёных соболинами, песцовыми, горностаевыми и лисьими шкурами, серебряными блюдами,

подвесками, браслетами, рыбьим зубом и костью мохнатого зверя маммута, которого живьём никто не видел, зато частенько находили вмёрзшим в землю. Воевода с боярами, жителями людьми и Буслаем шёл вдоль нарт и придирчиво перебирал меха и украшения. Спрашивал:

– Что скажете, братцы?

– Маловато будет на такую ораву-то, – заметил Буслай.

– А вы что скажете, господа вятские?

– С паршивой овцы хоть шерсти клок, – миролюбиво отвечал боярин Завид Негочевич. – Чего ж ты ожидал от такого острожка? Дальше-то князьки побогаче будут, с них возьмём больше.

– Я думаю, таятся они, – предположил Савелий. – Не дают всего, что есть.

– А нам больше и не надобно, – возразил ему Яков Прокшинич. – Мы сюда не только дани пришли собирать, а ещё и власть новгородскую утвердить. Если этот городишко обдерём и тем довольствуемся, толку от нашего похода мало будет.

– Нас сюда не вече послало, – огрызнулся Савелий. – Пошли по своей охотке за добычей. Другой нужды не было.

– Ежели тебе выгода новгородская не дорога, подумай о товарищах своих, тех, что после нас сюда сунутся. Незамирённая югра хуже чудинов будет.

– Они пускай сами о себе заботятся. Чай не дети малые...

Ратники, вытянувшись цепочкой вдоль берега, зябко постукивали нога об ногу, прикидывая, сколько каждый получит хабара. Им тоже казалось, что пять саней с городка слишком мало, но они предпочитали помалкивать, опасаясь спорить с начальниками. Со стен города за прищельцами наблюдали югорцы. Держа в руках луки, они осторожно высывались из-за тына, в любое мгновение готовые выпустить сотни стрел. Из городка вышел их князёк с несколькими приближёнными в шубах, перепоясанных широкими цветастыми поясами со множеством висящих на них фигурок зверей и птиц. Остановившись чуть поодаль, они тихо переговаривались и ждали решения новгородского воеводы.

– Ну что же, братья? – вновь спросил Ядрей. – Берём или нет?

– Берём – чего ж не взять! – воскликнул Завид Негочевич. – Только пускай они нас жратвой снабдят.

– Эх ты, боярин, лихо за всех решил, – язвительно промолвил Савелий. – А вои как же? Они тоже голос имеют.

Завид презрительно покосился на него.

– Перед чадью заискиваешь, Савка? Не доведёт тебя до добра эта дорожка.

– А ты за меня не тревожься, боярин. Лучше о себе подумай.

– Савелий прав, – вступился за товарища Сбышек Волосовиц. – Ратники волноваться будут...

– Это какие? Ушкуйники что ль? – небрежно осведомился Яков Прокшинич.

– Они самые.

– Ушкуйнички делают, как им Буслай велит. А Буслай завсегда на нашей стороне.

Верно, сотник?

– У меня с этим строго, – прогудел тот.

– Тогда и спорить не о чем. Принимаем дань, берём у них жратву и скотину с нартами и двигаем к стольному граду. Там-то разживёмся на славу.

– Добро, – провозгласил воевода. – Решили. Дань принимаем, скотину и еду забираем, людишек не трогаем. Пятая часть идёт Святой Софии, остальное делим поровну, чтоб никто в обиде не остался.

– Что здесь делить-то? – пробурчал Савелий, но Ядрей уже не слушал его – он развернулся и направился к ратникам.

В тот же вечер югорский князёк устроил пир для гостей. Пригласил к себе вятших людей, воям хотел выкатить бочки с брагой, но Ядрей не позволил.

– Нечего им тут кутить. В чужой стране вой должен себя блюсти, чтобы враг подступиться не мог. А то перепьются сейчас, и бери их тёпленькими.

– А сам-то к князю идёшь, – попрекнул его Савелий.

– Я иду, потому как воевода. Дело государственное, понимать должен.

– Я и понимаю.

Всё же надо было обезопасить себя на случай югорского вероломства. С нехристей станется: заманят к себе всех вятших и всех перережут. Воевода спросил об этом боярина Якова, тот присоветовал:

– Пусть поклянутся, что не замышляют злого.

– Чём же они тебе клясться будут? Писанием, что ль? – усмехнулся Ядрей.

– Зачем? Пусть присягнут на медвежьей шкуре. Медведь у них – зверь уважаемый, его обмануть не посмеют.

– А ежели посмеют?

– Куда им! Они своих божков боятся пуще, чем мы Христа. Будь спокоен, воевода: ежели поклянутся на шкуре, вернёшься цел и невредим.

На том и порешили.

К городку подъехали на саях: впереди, развалясь словно пьяный купчина, двигался воевода с Арнасом, стоявшим на запятках, следом, нахохлившись в песцовых шубах, мчались сидевшие лицом друг к другу Яков и Завид, а за ними неслись Савелий и Сбыслав. Впереди и позади ехали на нартах человек пятнадцать боярских челядинов с мечами, в мохнатых лисьих шапках.

Стемнело. Леса потонули во мраке, кроны деревьев клочьями волос тянулись на фоне звёздного неба, словно дым, вырвавшийся из земли и застывший от лютого мороза. Сани скрипели на снегу, с громким скрежетом задевая за ледяную корку; олени выдыхали облака пара, тут же исчезающие в синем мраке. Югорские дебри стояли недвижимы и безмолвны, будто окоченели от жутких объятий Войпеля – бога холодов.

В хоромах югорского князька было не разойтись. Одно название, что терем, а по сути – обычная курная изба, разве что чуть пошире, да наполовину врыта в землю. В красном углу на полке лежал медвежий череп с лапами. Ядрей, войдя, сослепу хотел было перекреститься, да заметил ошибку и чуть не плюнул с досады. Хорошо ещё, что батюшку не взял, он бы тут устроил изгнание бесов...

Через всю горницу тянулся прямоугольный стол, заставленный яствами и брагой в размалёванных корчагах, а вдоль стен выстроились низенькие пузатые горшочки, испускавшие слабый дымок. Вошедшие новгородцы морщились от странного запаха, кашляли с непривычки.

Князёк, одетый в простую холщовую рубаху и штаны, улыбнулся, что-то произнёс дружелюбно, широким движением руки указав гостям на стол.

– Говорит, счастье видеть вас в доме, – шёпотом перевёл воеводе Арнас.

– Ну-ну, поглядим, что за счастье, – недоверчиво буркнул Ядрей. И громко добавил: – Благодарствую за приглашение. Как ты к Новгороду, так и Новгород к тебе.

Арнас перетолмачил. Князёк закивал, заулыбался ещё шире, моргая круглыми глазками; серебряные и медные амулеты на его широком цветастом поясе забренчали, стучаясь друг о друга.

Гости расселись. Князёк пристроился рядом с воеводой, на другом конце стола разместились югорские бояре. Забегали слуги, разливая по кубкам брагу. Завид Негочевич, принюхавшись к запахам, шепнул Якову:

– Не пойму я, терем это или капище. Для кого воскресения?
– Обычай такой, – пояснил боярин.
– Ага, обычай... Ты глянь на медвежьи лапы: это ж Волос, скотий бог, коим смерды навий отпугивают.

– Что ж с того? Не слыхал разве, что югорцы Христа не знают?
– Наши-то смерды одну только лапу на дворе вешают, а эти целую голову выставили.
К чему бы?

– Испугался что ль?

Завид не ответил. Повернувшись к Сбыславу, спросил:

– Слышь, у вас там на Волосовой улице беровы головы тоже ставят?

– Да с чего бы? – удивился тот.

– Да с того... Ты разве скотьюему богу треб не кладёшь?

Житый человек нахохлился.

– А ты будто нет!

– Не о том я сейчас. Череп медвежий видишь? Никак, в кумирню мы попали, а?

Сбышек зыркнул на лапы и череп, отпил из кубка.

– Волос – бог добрый, – промолвил он. – Он людей не ест.

Завид вроде успокоился, но продолжал недобро поглядывать на личину скотьюего бога. Впрочем, опорожнив несколько кубков, расслабился, да и остальные, как видно, впали в беззаботность. Начались песни, пляски, новгородцы полезли брататься с югорцами, князёк что-то бормотал воеводе, заискивающе улыбаясь, а рядом в ухо гундел толмач:

– Русич – хорошо. Унху – плохо. Унху жадный, грубый. Убить Аптя. Русич – добрый. Надо жить хорошо с русич. Пусть русич защищать нас от Унху. Мы всегда верны русич...

– Мудро рассудил, – отвечал Ядрей. – С нами лучше в мире жить. А то осерчаем, пустим твою крепостцу с дымом...

Всё плыло и прыгало у него перед глазами. Странно это – неужто настойка так сильна? Или хозяева что подмешали в неё? Воевода жмурился и тряс головой, пытаясь сбросить помрачение, но не мог, а где-то в пьяном чаду уже гремели задорные голоса земляков:

У женёнки одной бабы молодой Мужичонка был задрипанный такой. Ой-ля, ой-ля-ля, ля-ля, Ой-ля, ой-ля, ой-ля-ля, ля-ля. Свои силы он оставил в стороне, Не оставил ничего своей жене. Вот приходит один раз и говорит: «Ну, ведь, жёнка, нам разлука предстоит. А разлука-то всего лишь на три дня. Ну ты, жёнка, не скучай тут без меня». К этой жёнушке явился домовый, Поиграл, да и тайком ушел домой. Домовой-то был соседик боевой, Приглянулся этой жёнке молодой. Мужичоночка проездил три денька – «Как тут, жёнка, не скучала без меня?» «А ко мне-то приходил тут домовый, Поиграл, да и опять ушел домой». «Если в доме заведется домовый, То тогда уж, жёнка, жалобно не вой».

Дом сотрясался от гогота и хлопков. Яков Прокшинич взялся тягаться с югорским боярином на ладонях, Савелий, раскрыв обвислый рот, отбивал кулаком счёт о столешницу. Югорцы азартно подбадривали своего, а с другой стороны неистово орал Сбыслав, заклиная всех чертей и ангелов Господних оказать помощь земляку. Но небесное воинство не помогло боярину – как он ни тужился, как ни старался, не удалось ему сломить дюжего югорца. Наконец, сдавшись, Яков вытер пот с покрасневшего лба и опрокинул в рот ещё один кубок.

– Могуч ты, братец, – промолвил он, отдуваясь. – Тебе только с Буслаем биться. Он у нас горазд на такие штуки.

В ближнем от входа углу сидел молодой певец и, брэнча себе на гусях, тянул песню. Гусли он держал по особому, торчком, зажав их между коленей. Никто не слушал его, кроме

Завида Негочевича, который как зачарованный шептал что-то обмётанными губами, слепо глядя певцу в глаза. А югорец тем временем выводил:

Сидящие в доме мужчины,
Слушайте, послушайте!
С черёмуховым луком маленького вёрта
Я – мал ещё, но вижу:
Вот в дом, куда вхож тундровый зверь,
В желанный дом
Я зашёл.
Не из безвестной земли
Вышел я,
Но из земли за узорчатым камнем,
Узорчатым, словно вороний клюв.
За узорчатым камнем,
за спиной клыкастого зверя
Стоит покрытый шкурами дом.
Там я живу.
Небом данные многие сотни дней
Я спал глубоким сном.
В глубоком сне я был,
И в тревожном то же.
В чутком, настороженном сне
Ворочался я.
Что же мнилось мне
В сокровенных, длинных мыслях?
«За спиной павыла моего,
За его спиной
Животные стоят.
Там леса дремучи,
Там хожу я на охоту.
Что же в том дурного?».

Боярин впитывал в себя незнакомые слова и видел перед собою жутких оборотней, пьющих человеческую кровь, и коварных духов трясины, увлекающих заблудившихся путников в топь; видел деревья, разрывающие человека пополам, и кусты, склоняющиеся над спящими и протыкающие их прямо в сердце. Кошмарные наваждения не отпускали его, он чувствовал, что погружается в них всё глубже, не в силах вынырнуть. Он пытался прочесть молитву, чтобы спастись от наплывающих туч югорского морока, но не мог вспомнить ни слова. «Господи, что же это?» – со страхом думал он. – Неужто они все здесь – колдуны, а мы – их добыча?». Смириться с этим было невыносимо, но и сбросить с себя дурман он не мог. «Погибаю, погибаю, нет мне спасения».

Но голос певца вдруг прервался, кто-то поднёс боярину кружку ледяной воды. Завид отпил, захлёбываясь и кашляя, затем поднял глаза на своего спасителя. Перед ним стоял Арнас.

– Сар курить – мир не видеть, – понимающе улыбнулся тот. – Русич не привык, голова глупеть.

– Паршиво мне, пермяк, – прохрипел боярин. – Боюсь, не выдержу, умом тронусь.

– Русич сильный. А я – помочь, – успокоил его Арнас.

Он подбежал к Ядрею, что-то сказал ему, тот кивнул, взглянув на боярина. Завиду показалось, будто он слышит его голос:

– Тебе-то за каким дьяволом с ним ехать? Югорцы что ль не осият?

– Буслай не поверить. Увидеть боярин, сказать: уморили, – отвечал пермяк.

– Ладно, чёрт с тобой. Езжай. – Воевода махнул рукой и по-приятельски обнял югорского князька за плечи.

Глава четвёртая

Двое рабов выволокли ослабевшего боярина на двор и погрузили в сани. Челядины, ожидавшие на улице, переполошились, заподозрив худое, но Арнас успокоил их:

– Совсем пьяный боярин. Везти в стан, пусть лежать.

И вскочил на запятки.

– А ты-то здесь за каким бесом? – нелюбезно спросил его бородатый возница в побелевшей от инея шапке. – Ты ж при воеводе должен быть.

– Ядрей послать в стан. Говорить с вои.

Холоп вытер рукавицей нос и хлестнул оленей плёткой.

– Но пошли!

Те сорвались места, помчались по заметённым улицам югорского городка. Сверху на них бессмысленно пилились деревянные болваны, трепыхались на ветру разноцветные ленточки, привязанные к берёзам и елям. Озарённые слабым лунным сиянием, перламутрово отливали стропила с колдовскими резами. Затянутые пузырями оконца дымно взирали на проносящиеся мимо сани с дремлющим русичем. Звёзды раскалёнными игольными ушками прожигали чёрную ткань небес. Внизу до самого окоёма простиралось зубчатое безбрежье тайги, похожее на застывшие волны ночного моря. Завид Негочевич всхрапывал и охал, кутаясь в песцовую шубу.

Несмотря на глубокую ночь, в новгородском стане никто не спал. Ватажники делили добычу. Сгрудившись возле югорских нарт, шумели и спорили, а Буслай, вытаскивая то песцовую шкурку, то серебряную побрякушку, громко объявлял имя нового владельца. Возле него горели два костра, писарь, потирая озябшие руки, отмечал на харатье, кому что досталось. Ушкуйники по одному подходили к жожаку, кланялись, принимая награбленное, затем протискивались за спины своих товарищей и немедля начинали торг с товарищами. Всё это производило странное впечатление, ибо Ядрей, уезжая, запретил прикасаться к хабару. Но дорвавшихся до богатства ушкуйников уже ничто не могло остановить.

Заметив прибывшего боярина, Буслай отвлёкся от дележа дани, подошёл к саням.

– Это что такое? – спросил он.

– Югра хотеть убить! – залопотал Арнас, кидаясь к нему. – Обмануть боярин, отравить. Идти спасать нада!

Буслай в ярости сжал кулак.

– Говорил я: нельзя этим нехристям доверять. А ну-ка, ребята, – повернулся он к воям, – хватай оружие. Своих пойдём выручать.

Новгородцы переполошились, загомонили, забегали по стану, хватая брони. Спустя час Буслай уже вёл войско через лес. Холопов не взяли. Пушай стан охраняют. Мало ли кто туда забредёт. Отца Ивана, сунувшегося было с крестом и мечом, тоже оставили – от греха подальше. Зарубят его, чего доброго, а без священника войску нельзя. Зато прихватили с собой Моислава – уж очень рвался в бой попович, не унять.

Буслай остановил ватагу на опушке ельника, а Арнас, как договаривались, обогнул лес на санях. Промчавшись по льду реки, подъехал к воротам. В темноте новгородцы не видели его, но слышали шелест полозьев по слуду и короткие возгласы – пермяк разговаривал с дозорными у ворот. Теперь он вёл сани один – возница остался с прочими смердами в стане.

– Слышь, Буслай, долго нам здесь мёрзнуть? – прошептал один из ушкуйников, шмыгнув покрасневшим носом.

– Утихни. Зырянин зря гонять не станет.

– А ежели он того, недоброе замышляет?

– Тогда мы его вместе с югрой в этом острожке спалим.

Ворота медленно открылись, Арнас въехал в городок и помчался к терему князька.

В избе продолжалось веселье. Купец Савелий спал, уронив голову в тарелку, прочие новгородцы выделывали разудалые коленца под югорские бубны и дудки, Ядрей отбивал дробь по столу, а князёк умильно наблюдал за ним, улыбаясь и кивая. Позади князька ворон торчал сухопарый пам с окладистой бородой. Был он трезв и угрюм, исподлобья взирал на происходящее. Едва Арнас вошёл в избу, пам повернул к нему остроносую голову и пропустил колючим взглядом. Зырянин приблизился к воеводе, наклонил к нему лицо.

– Отвёз боярина? – пьяно спросил тот.

– Всё сделать, всё отвезти, – закивал Арнас. – Сделать как нада.

– Вот и ладно. На вот, выпей, – Ядрей сунул под нос ему чашу, полную браги.

Зырянин взял чашу, но пить не стал.

– На улица нада, – сказал он, беря воеводу за рукав. – Говорить нада.

– Куда т-ты меня? – прогудел Ядрей. – А ну отстань, не то по шее надаю.

– На улица, – ныл зырянин. – Важное говорить.

– Ч-чего? Что ещё за речи такие?

Арнас поднял глаза на шамана, невинно улыбнулся ему. Затем опустил голову – так, чтобы пам не видел его губ, и тихо произнёс:

– Измена, боярин.

Ядрей вскинулся, вытаращил на него глаза.

– Чего? Белены объелся?

Арнас облизнул губы, неуверенно раскрыл рот и вдруг, ловким движением выхватив нож у размякшего Ядрея, прыгнул на пама.

Завид Негочевич открыл глаза и уставился в звёздное небо. «Что за дьявол? – подумал он. – Только что в хоромах был, а ныне где?». Он вспомнил югорского певца, ледяную воду и заботливое лицо Арнаса. «Почему небо? – задумался он. – Раз небо, должен быть мороз. Но его нет. Чудно. Может, это душа моя летит в небесах?». Ему показалось, что грязный и мерцающий серп луны закачался, а звёзды запрыгали вокруг него, складываясь в очертания громадного лика, покрывшего собой всё небо. Лик этот не имел волос и щёк, но был лишь намечен прерывистыми линиями ночной зерни, точно кто-то накапал молоко на выкрашенную в чёрное кожу.

– Зачем ты явился в мой дом, Завид? – спросил лик, не разжимая исполинских губ.

– Сам знаешь, зачем, – буркнул боярин, не испытывая страха.

– Разве мой народ навредил тебе?

– А кто емцов наших стребил?

– Они сами виновны в своей судьбе. Требовали слишком многого. Мой народ кроток и незлобив, но умеет постоять за себя.

– Все вы – бесовское семя. А тебя я не боюсь. Так и знай.

– Ты злобишься, и тем проявляешь слабость. Ты некрепок в своей вере, а потому подвержен моим чарам. Но главное, что ты ищешь опасность не там, где она сокрыта.

– А где ж она сокрыта?

– В тебе. В Ядрее. Во всех вас.

– Ладно болтать-то, – огрызнулся боярин.

– Даже сейчас, трясясь от страха, ты не понимаешь, что боишься только самого себя.

Голос помолчал, с каким-то сожалением созерцая человека. Завиду даже показалось, будто лик вздохнул.

– Возвращайся домой, боярин. И остальным скажи, чтоб возвращались. Не будет вам удачи в этом походе.

– Значит, страх и тебя гложет? Боишься Христа-то?

Голос издал какой-то звук, похожий на смешок.

– Как ты думаешь, кто я?

– Известно кто – Нум-Торум, здешний Господь. А вернее будет сказать, бес.

– А может, я и есть Христос, только югорский?

– Не болтай! Христа распяли за грехи наши...

– Что с того? Распяли, а потом воскрес. И вознёсся на небо.

Боярин засопел.

– Ты – властелин местной погани. Мне ты не страшен. Всё равно новгородская секира сильнее ваших кудесников будет. Скоро придут сюда лесорубы и снесут ваши капища и священные рощи. Помяни моё слово...

Голос опять насмешливо кхекнул.

– Помяну, Завид, обязательно помяну. Но и ты его не забывай, когда люди твои отречься от своей веры станут.

– Врёшь! Не бывает тому!

– А пошто тогда оберег языческий носишь? Тянешься ты душою к нам, древним владыкам.

– Оберег этот мать дала. Память это...

– На память не молятся, Завид. Память лелеют. Не лукавь со мной. Ведь я и есть твой страх.

– Ты – идолище богомерзкое, вот кто! И я плюю на тебя.

Боярин набрал в рот слюны и харкнул. Плевков подлетел и упал ему на лицо. Звёзды мгновенно исчезли, словно кто-то дунул на свечи, и боярин погрузился во тьму. Ошеломлённо озираясь, он выпростал вверх руку, поводил ею в темноте, затем вытянул её в сторону и упёрся пальцами в тряпичную стену. Всё ясно. Он в чуме. Но откуда взялось звёздное небо?

Завид стёр слюны со щеки, сел, потёр тяжёлую голову. Перед глазами запрыгали искорки, накатила и спала красная пелена. Он откинул полог, вдохнул морозный воздух и на четвереньках выполз наружу. По снегу метались корявые тени. Багровые отсветы ложились на утрамбованную днём поляну. Боярин помотал головой, соображая. Кругом торчали чумы, меж них теснились нарты и олени. По всему выходило, что он в новгородском стане.

До его уха донеслись обрывки разговоров.

– Славно горит!

– Кто поджжёт-то? Наши что ль?

– Гадай теперь! Вроде, бьются там...

– Да почём знаешь? Может, запалили ненароком!

– А с чего зырянин тут голосил? Не слыхал, что ль?

– Да он дивный. Одно слово – чудин.

Завид Негочевич тяжело поднялся на ноги, поглядел на зарево, дрожавшее над кромкой леса. Багрово-розовый шар, не опадая, подпирал собой звёздную пропасть, словно само солнце решило выбраться из подземной реки прежде срока и рвалось вверх, выжигая себе путь в громадном плаще Этнос-ойки – владыки ночи.

На краю стана собрались челядины и, разиня рты, наблюдали за чудесным зрелищем. Там же стоял и поп Иванко, непрерывно крестившийся и бормотавший молитву. С верхушек деревьев на людей сигали огромные тени. Боярин поднял глаза: в переплетении ветвей он увидел тёмных волосатых тварей с горящими жёлтыми глазами, раза в два больше человека, с длинными когтями и острыми, как шлемы варягов, головами. Скаля клыки, твари странно извивались, будто плясали, а зарево чертило жуткие фигуры на снегу. Завид Негочевич издал громкий рык.

– Пошли прочь, исчадья ада!

Челядины обернулись, их лица повеселели.

– Оклемался, боярин? Не надо ли чего?

Завид направил указующий перст на кривляющихся бесов.

– Слуги нечистого явились, чтобы потешаться над вами, а вы и ухом не ведёте. А ну хватайте секиры да колья, и ты, батюшка, тоже с нами иди. Здесь одним оружием не управиться. Здесь слово Божие потребно.

Смерды перевели взоры на деревья.

– Не серчай, Завид Негочевич, а только пусто там. Тьма и тьма. Уж ты прости нас, убогих.

– Молчать! Запорю. Ну-ка взяли оружие в руки. Где мой меч?

Людишки засуетились, забежали по стану, вытаскивая кто рогатину, кто секиру, кто лук со стрелами. Вскорости принесли и боярский меч в ножнах. Завид не стал перепоясываться, вытащил клинок и махнул рукой.

– Пошли за мной. Сейчас мы им зададим. Узнают, каково насмехаться над Христовым воинством.

– Истину молвишь! – вдруг возопил священник. – Вижу, снизошёл на тебя дух Божий! Ангелы вострубили бой с отребьем Сатаны. Аллилуйя, боярин! Руби их мечом Гедеона, покауда все не полягут! Благословляю тебя на битву.

Завид зашагал прямо в чашу. За ним робко потянулись людишки. Замшелые сосны истуканами выплывали из мрака, пышные ветви елей перепончато липли к тулупам, невидимые в темноте кусты цеплялись за одежду, с треском скребя по ткани. Вои спотыкались о засыпанные снегом валуны, где-то далеко за деревьями огромным багровым оком мигал пожар в югорском городке. Оттуда доносились крики, звон металла, глухие удары чего-то тяжёлого о землю. Наверху, в густых уродливых кронах, метались непроглядно чёрные призраки с жёлтыми буркалами.

– А ну слезай, – орал им боярин, потрясая мечом. – Ишь забрались, погань проклятая. Слезай, говорю. Биться будем.

– Ты кому это говоришь, господине? – осведомился бородач, недавно привезший его в стан.

– Ослеп, дубина? Тварям этим, что по деревьям шастают. Ужо я им покажу.

Челядины задирали головы, пытаясь высмотреть таинственных созданий, но ничего не видели. Однако боярину перечить не смели. Поп опять заголосил:

– Осанна тебе, Завид Негочевич! Глаза твои зрят незримое, чуют нечувственное. Бог дал тебе сей дар, дабы покарать нечистого...

– Подействуй-ка на них распятием, отче, – велел боярин.

Священник схватился за медный крест, висевший на груди, поднял его кверху.

– Изыди лукавый, изыди нечистый! Прочь отродье сатанинское! Отступись от рабов Божиих!

Он бесновался и прыгал по сугробам, а чудища таращили на него жёлтые глазищи, шипели и щёлкали языками.

– Никак припекает? – торжествующе крикнул им Завид Негочевич.

Смерды трусливо жались к нему, растерянно озираясь. Твари стали швыряться в отца Иванко чёрными мохнатыми шарами, извлекаемыми прямо из телес, но шары эти таяли на лету или взрывались, не причиняя попу вреда. Тот пел псалмы и осенял крестом всю округу. Наконец, чертенята смирились и, ловко перепрыгивая с ветки на ветку, устремились к капищу.

– Не уйдёшь, – пророкотал боярин, бросаясь за ними вдогонку.

Городок подожгли с двух сторон: от ворот и от княжьего терема. Занялся он быстро, так что спустя пару часов выгорел почти целиком.

Ядрей с залитым кровью мечом шёл меж полыхающих домов. Повсюду сновали его ратники: волокли отнятое у местных добро, сдирали с девок одежду, добивали раненых врагов.

– Может, напрасно мы град-то спалили, пермяк? – спросил он идущего рядом Арнаса. – Всё ж таки укрыться можно было в случае чего.

– Недобрый место, – оскалился зырянин. – Укрыться – нет. Место убивать.

– На ведунов, значит, напоролись?

– Так. Ловушка. Как на хозяин лес. – Зырянин сделал страшные глаза и выставил пальцы, изображая медведя.

Кругом летал пепел, рушились обгорелые кровли, носились клубы дыма, стоял неумолчный треск поленьев. Тут и там лежали мёртвые югорцы, валялось разное тряпье, берестяные коробки, туески, осколки горшков. Где-то слышался отчаянный собачий лай, носились олени с обожжёнными боками, у чудом уцелевшего лабаза выл, хлопая красными глазами, мальчишка лет пяти.

– Знать, не напрасно о тебе молва идёт, что ты – кудесник, – сказал Ядрей, вытирая снегом меч. – Как распознал западню?

– Дым в горшки. Дурной. Человек дышать – быть глупый, – объяснил Арнас.

– То-то чую, у меня котелок не варит. Будто во сне хожу... – Ядрей с отвращением огляделся. – Уносить отсюда ноги пора, вот что. Скоро всё в золу обратится. – Он заметил пробежавшего невдалеке воя с мешком за плечами и крикнул ему: – Эй, православный! Где Буслай?

– А пёс его знает, – откликнулся тот, пожав плечами.

– Разошлись молодцы. Пора унять. – Воевода вытер пот со лба. Жар от полыхающих домов стоял ужасный. – А ну кончай грабёж! Всем идти к стану.

Рявкнул – и сам направился к распахнутым настежь воротам, заворачивая всех встречных.

На одном из перекрёстков возвышался потрескавшийся от старости идол. Чёрный, почти окаменевший за многие века, он взирал огромными слепыми бельмами на погибающий город и словно плакал от скорби. А внизу, благоговейно задрав голову, стоял попович Моислав, что-то беззвучно шептавший обветренными губами.

– Уходим, – толкнул его воевода. – Хорош таращиться.

Попович очнулся, повернул к нему голову, прищурился.

– Глянь, – показал он на идола. – Разве не жутко тебе, воевода? Он ведь, бог-то этот, всё видит: и как мы народ его губим, и как добро отнимаем, и как дома его палим. Хорошо ещё кумирню не тронули. Иначе несдобровать бы нам.

– Иди-иди, кликуша. Не каркай.

Моислав криво ухмыльнулся и направился вдоль горящих домов к воротам.

Уже приближаясь к частоколу, увидели купца Савку. Тот сидел на каком-то пенёке и, низко склоня голову, от души блевал. Рядом стоял товарищ его, Сбыслав Волосовиц и сочувственно похлопывал приятеля по спине.

– Никак, проняло? – усмехнулся воевода.

Савелий бросил на него измученный взгляд.

– Дыма надышался, – объяснил Сбыслав.

– Что ж ты за вой такой, коли дыма не выносишь? – укоризненно произнёс Ядрей.

– Да не этого, а там, у князька. Небось помнишь!

– Воскурений-то? – Ядрей покосился на Арнаса. – Выходит, прав ты был, пермяк. Коварный это город.

Подхватив под локти Савку, Арнас и Сбышек поволокли его прочь из городка. Воевода остался на месте, поджидая остальных. Со всех сторон к нему подходили ратники, разго-

ряченные, чумазые, в рваных кафтанах, под которыми проглядывали кольчуги; они тащили позвякивающие волокуши, гремели туго набитыми мошнами. Некоторые за руки и за ноги несли раненых и убитых товарищей. Потери, к счастью, были невелики – застигнутые врасплох югорцы не долго сопротивлялись. Вскоре у ворот появился Буслай – вожак ехал на нартах, подбоченясь, и зыркал вокруг надменным взором. Ядрей ослабилась, раскинул руки, чтобы обнять ушкуйника.

– Славно ты сегодня бился, – сказал он. – Без тебя туго бы нам пришлось.

– Не меня благодари, а пермяка. Он тревогу поднял. – Сотник обернулся, с сожалением окидывая взором пылающий город. – Жаль, добра много сгорело. Только по верхам и прошлись.

– Ничего, в стольном граде разживёмся. Много наших-то погибло?

– Кто ж тебе сейчас скажет! Счесть бы надо.

С чувством хлопнув Буслая по спине, воевода вместе с ним вышел за утыканые стрелами ворота, по сторонам которых, венчая боковые столбы, зловеще скалились волчьи черепа. Ратники прерывистой цепочкой двигались к реке, таща за собой нарты с добром, захваченным у югорцев. Озарённые пожаром, они походили на грязных птиц, вперевалочку бредущих к водопою. Человеческие и олени тень скакали по снегу, то укорачиваясь, то удлиняясь, тьма шевелилась где-то на границе леса, ратники уходили в неё и мгновенно пропадали из глаз. Развороченные строения посада сквозили обнажёнными рёбрами балок, корячились стропилами, словно черти, вылезшие из пекла и мгновенно заледеневшие на ветру.

– Как же чудин говорил, что югорцы клятвы не нарушат? – спросил Буслай. – Эвон, нарушили же!

– Да не простые это югорцы, а колдуны. Ведьмино гнездо мы здесь разворошили, – пояснил Ядрей.

– От оно как! – Ушкуйник заметил ратника, тащившего на плече бабу-югорку, и крикнул: – Ты слышь, остерегайся её! Тут ведуны жили, и девки их все – лами. Как натешись, сразу бабу под лёд. Понял?

– Понял, как не понять! – весело откликнулся тот. – Уж за мной не заржавеет.

Буслай повернулся к Ядрею.

– Прыгай ко мне в нарты, воевода. Помчимся с ветерком.

– Ты вон лучше Савке помоги. Видишь, как его развезло?

– Как знаешь. В стане свидимся.

Нагнав Арнаса и Сбышека, тащивших Савелия, Буслай сказал им:

– Сюды его кидайте.

Те переложили Савку в нарты, распрямили плечи.

– Не шибко трясина, – предупредил Сбышек ушкуйника. – А то загадит тебе всё, не отмоешь.

– Не бойсь. Довезу в сохранности.

Пухом взметнулись снега, когда олени понесли Буслаевы нарты по ледяному полю. Добравшись до стана, сотник подозвал к себе челядинов, велел им отнести купца в чум. Житый человек что-то бормотал сквозь сон, вскрикивал и подрагивал ногами.

– Заморочили, черти белоглазые, – сочувственно говорили смерды, таща Савелия.

Буслай огляделся.

– А где народ-то? – спросил он. – Дрыхнут что ль?

– Негочевич увёл всех капище крушить, – ответили ему.

– Это зачем ещё?

– Привиделись боярину бесенята какие-то, вот и позвал смердов за собой. Отец Иванко тоже пошёл.

– Всё-то он не уgomонится, – проворчал Буслай. – Ладно, пойду спать.

Рукавом кафтана он вытер заиндевевшие усы и направился в чум.

Скоро начали прибывать прочие вои. Измученные сражением и трудным, сквозь снежную целину, возвращением в стан, они расходились по чумам молчаливые и сонные. Вышел из леса и боярином Завид со своими молодцами. Увидев их, прибывший только что Ядрей удивился безмерно.

– Это где ж тебя мотало, боярин? С пира, помнится, увезли в беспамятстве, а нынче, гляди ты, по чащобам с челядинами шастает!

– Божков югорских покурочили, – мрачно усмехнулся Завид. – Чтоб не донимали православный люд.

Он был ещё пьян и потому беспечен. По трезвости такого бы не учудил, это уж как пить дать.

Оказавшийся тут же попович Моислав аж взбрыкнул.

– Как так покурочили? Зачем?

– Не твоего ума дело, – отмахнулся боярин. Зевнув и помотав головой, спросил Ядрея: – Городок никак повоевали?

– Было дело.

– Добра-то много взяли?

– Куда там! Да и не городок это был, а так, наваждение одно. Кудесники югорские придумали, чтобы нас погубить.

– Эвона как!

– Хорошо, зырянин обман раскрыл. Всех перебили, – воевода довольно похлопал по рукоятке меча.

– Ну тогда с почином тебя, Ядрей. Пойду вздремну. А то башка гудит у меня от зелья югорского.

И пошёл, сгорбившись и качая головой как сохатый. Моислав же в отчаянии подступил к Ядрею.

– Это что же происходит, воевода?

– А что?

– Почто святилище разнесли?

– Ну и что с того? Подумаешь, важность какая – истуканов свергли. Дело богоугодное и полезное. Эвон тебе отец Иванко подтвердит.

Не хотелось ему сейчас думать об этом, хотя тревога-то и плеснулась где-то на окраине души – а ну как миродержцы здешние решат отомстить за поругание святыни? Но что сделано – то сделано. Авось Христос оборонит своё стадо, не даст в обиду. Воевода посмотрел на огрызок луны, перекрестился и пошёл отдыхать. А Моислав повернулся к священнику, прорычал:

– Землю оскверняешь, в людские души плюёшь. Аукнется тебе это злодейство, ох аукнется!

– А ты меня не страдай, – напыжился тот. – Ежели бесы тутошние мстить соберутся, Господь меня защитит. На то я здесь и поставлен, чтоб веру блюсти. А ты вот, гречин, слишком об идолах югорских печёшься. Никак обольстили тебя силы языческие?

– У, крестоносец, – погрозил ему кулаком Моислав.

Он пошёл самолично взглянуть на дело рук боярских. Продравшись сквозь заросли лозняка, чуть не сломав ноги в коварной кочковатой сорге, вышел на луговину, где ещё утром высились болваны. Теперь они валялись на снегу, а вокруг тянулось кольцо разрытых ям. У нескольких истуканов были отколоты бока, у других ножами изуродованы лики, кое-где виднелись глубокие зарубки – боярин в христианском рвении пытался рассечь идолов на

части. Повсюду были раскиданы доски от порубленных лабазов, поломанные сваи, фигурки духов, разное тряпье. Смотреть на это было печально.

Попович шёл от одного идола к другому, и они словно говорили с ним, жаловались на свою незавидную долю, стонали и плакали. Какие-то странные слова проникали поповичу в уши, и он, хотя не знал языка, понимал их смысл, будто Господь внушал ему скорбь чужого народа.

Лесной дух, лесной дух,
Пара моя!
Как ушёл, как ушёл,
Прошли годы,
И не вернулся.
Может, со зверем он спустился?
Может, сам зверя нёс?
Может, на кол он наткнулся?
Лесной дух, лесной дух!
Извилистой тропой ушёл ты,
И не вернулся.
Может, оленя ты искал
Среди мягких мхов топкого болота?
Может, на дно ты спустился?
Того мы не ведаем.
А может, иного духа встретил ты?
Того, что жилы вынул из тебя?
Мы не знаем, мы лишь причитаем.
Видно, много грязных слов,
Много мерзких слов
Пели мы когда-то.
Умершие духи, душою-тенью идём
По кровавой реке народа тайги,
По кровавой реке, по берегу,
Там, где текут многие курьи,
Цвета чаги многие курьи...

Моислава охватила дрожь. Полный благоговения перед этой древней неосязаемой силой, он упал на колени и, воздев руки к небу, простонал:

– О боги земли, воды и неба, простится ли нам это святотатство?

Но не осквернение кумирни задело вятших за живое, а ушкуйное непослушание. Не могли они стерпеть, что разбойники самолично поделили хабар, пока воевода пировал у князька. Ядрей устроил разбор, отчитал Буслая на глазах у товарищей, хотел было отобрать всю добычу, да поостыл, вспомнив, что Буслаевы молодцы спасли его шкуру. Пообещал только в следующий раз за такие проделки сразу башки поснимать. Налётчики поворчали для порядка, но спорить не стали: хабар остался с ними, а это – главное. Всё вроде уладилось, да тут взвился Савелий Содкович, заорал, чтоб поделили взятое добро по новой, иначе, мол, всему Новгороду расскажет о неправдах ушкуйных. Разбойники заволновались, полезли за ножами, хотели порезать Савку на кусочки, даром, что внук морского царя. Яков Прокшинич вступился за неразумного, надавал по зубам, осадил грозным рыком. Савка замолчал, утёрся, прошил боярина злобным взглядом и ушёл в чум – оттаивать. А ушкуйники, видя

это, развеселились, стали толковать меж собой, что, дескать, никакой Савка не божий внук, ежели так себя бить позволяет. Кабы и впрямь текла в его жилах кровь морского царя, разве ж стерпел бы такое, не ответил бы боярину по свойски? Тут же и другое вспомнили: как улепётывал Савка с кумирни зырянской, как спотыкался на бегу, не врагами и не духами гонимый, а собственным страхом. Трусоват, стало быть, внучок у морского царя, душою робок.

Недолго оставались новгородцы возле разгромленного городка. Уладив споры, снялись с места и спустя седмицу уже добрались до югорской столицы. С первого взгляда стало ясно – эта крепостца так легко в руки не дастся. Тын высотой в три человеческих роста, окружая высокий холм, вздымался над сосновым урманом словно огромное гнездо на верхушке дерева. С севера к городу подступали неприступные скалы, с запада гусиной кожей тянулись бугры с конурником над замёрзшей речной старицей, а с юга высился косогор, застроенный посадами. Все дома вокруг города были пожжены, холм облит водой и серебристо мерцал под тусклым осенним солнцем. Кругом были понатыканы колья, чтобы нападающие не вздумали подступать на оленях. Приступ выглядел делом затруднительным.

Местом для стана новгородцы выбрали пастбище: огромную белую проплешину, блином стекавшую с косогора и упиравшуюся в бесконечную седую тайгу. Разрыхлённая тысячами людских и оленьих ног, она была похожа на крынку с творогом. Русичам не пришлось пробиваться сквозь наст – югорцы сами разметали его, сгоняя в город стада. Новгородцы понаставили на верхушке шатры и чумы, загородились от речной низины частоколом, а оленей выгнали на косогор, выставив сторожи. Воевода готовился к долгой осаде.

В тот же день Ядрей и вятские отправились на разведку. Хоть город и лежал перед ними как на ладони, а всё же решили поглядеть на него сблизы – может, и высмотрят какую лазейку. Хоронясь зоркого югорского ока, русичи спустились на лыжах с другого склона едомы, завернули в лес, подступавший к городу с восточной стороны, прошли, петляя меж деревьями, к опушке. Долго вглядывались в очертания башен и городни, вздыхали, будто пребывая в сомнениях.

– Ну что, опять бирючей отправим или сразу в осаду возьмём? – спросил Завид Негочевич, в трезвом виде лишившийся всего боевого задора.

– Не о чем нам с ними толковать, – отрезал Ядрей, не поворачивая головы. – Хотели бы потолковать – сами бы вышли.

После городка Апти он ожесточился сердцем и готов был всюду видеть югорские козни.

– А разбивать-то здесь стан не боязно? Всё ж таки столица Югорского края. Там воевод поболее наших будет.

– Они-то об этом не ведают, – заметил воевода. Он развернулся и захлопал лыжами по сугробам, направившись обратно к стану. Следом двинулись и вятские. Завид крикнул в спину воеводе:

– Может, поговорить всё ж таки? Хотя б для порядку?

– Хватит. Наговорились уже. Теперича только на меч брать будем.

Яков Прокшинич покосился на Завида, ослабил.

– Скажи ты мне, как на духу, боярин, – сказал он. – За каким бесом тебе святилище югорское надо было крушить? Мешало оно тебе?

– Тебе-то что с того? Божков их боишься? – вскинулся Завид, сам терзаясь случившимся.

– Боюсь, – признал Яков. – Ежели мы тут вместо даней капища разорять начнём, то таких дров наломаем, что держись!

– Скверна оттуда исходила, – пробормотал боярин, пряча глаза. – Прельщение бесовское.

– Чудной ты какой-то стал, Негочевич. С тех пор, как Камень прошли, не узнаю я тебя. Словно чары на тебя навели или сглазил кто.

Завид повёл плечами, посмотрел на Якова диким взглядом.

– Чары, говоришь? Может, и чары. Чую я, колдовство кругом. Наваждение. Упыри и навьи летают, души наши ищут. И стоит нам слабину дать, боги ихние с потрохами нас сожрут. – Он подозрительно огляделся, точно ожидал увидеть вокруг толпу призраков. – Зыбко тут всё как-то... непонятно. Вроде, земля – а глядь, уже и болото. Вроде боги – а вроде и демоны. Не сообразишь. И зырянин этот опять же...

– А что зырянин?

– Брехло он. В глаза смотрит, улыбается, лопочет что-то, а на уме совсем другое. Тёмное что-то. Неясное.

– Напраслину возводишь, боярин. Пермяк наш – диво, а не человек. Кабы не он, лежать бы нам сейчас в сырой земле и кормить югорских червей. Кто обман югорский раскрыл? Кто ушкуйников на выручку привёл? Пермяк. Вот и думай.

– Всё равно, не верю я ему. Ты вот говоришь, он обман раскрыл. А мне неясно: как же это он смог, ежели мы – ни сном, ни духом?

– Башковитый сильно. Попович говорит: «Кудесник».

– Вот то-то и оно: кудесник. Может, он-то всё и подстроил?

– Что подстроил?

– Да западню эту. Может, не стоило вам городок-то жечь, а?

– Как же не стоило, когда нас там зельем опоили, ждали, когда совсем раскиснем. Забыл что ль, как тебя оттуда пьяного под руки вывели?

Завид отвернулся и промолчал. А Яков, помедлив, продолжил:

– Это ж он мысль дельную мысль подал, когда мы князька югорского с челядью положили: «Езжайте, мол, к воротам, охрану перебейте, а я тут для отвода глаз терем подпалю». И ведь всё вышло по его слову! Такого бы воеводу – да господину Великому Новгороду.

– Всё равно, червоточина в нём какая-то, – упрямо проговорил Завид. – Словно гниёт он изнутри.

– Ты прям как жена неверная – себя поедом ешь, – громыхнул смехом Яков. – Что с тобой, Негочевич? Растолкуй мне. Не таи душу.

– Страшно мне, Яков. Ужас как страшно. – Он сжал правую ладонь в кулак и прижал её к губам. – Мнится мне, плохо закончится наш поход.

Вятские и Буслай собрались на совет, стали думать, как одолеть дерзкого князя Югры. Идти на приступ было чистым безумием, оставалась осада. Сколько сможет выдержать владыка каменного края – месяц, два? Потом с голодухи сам приползёт, пощады запросит. Так говорили вятские, так думал и Ядрей. Кана он не боялся, куда больше его страшил удар из леса, от мелких князьков. Ежели совокупно навалятся югорцы, не устоять славянскому войску. Долго ломали голову, что делать, потом позвали пермяка. Арнас изложил свои задумки: оставить под городом сотни две ратников, а ещё сотню пустить в кружение по Югре, чтоб выщелкала по одному всех здешних властителей. Нападения те не ждут, думают, русичи будут топтаться возле столицы, а потому, застигнутые врасплох, все как один лягут под новгородскими мечами. А там уж, помолясь, и владыка местный присмирееет. Мысль была дельная, воеводе понравилась.

– Кто ж поведёт сотню? – спросил он. – Знающий человек нужен, чтоб не заплутал в урманах.

– Я и поведу, – ответил Арнас.

Савка и Завид Негочевич вскинулись было, не хотели отпускать пермяка, но Ядрей изрёк:

– Так и поступим. Проводник наш – человек верный и смекалистый, авось не подведёт.

Возразить было нечего. Осталось решить, кому идти в поход. Тут уже долго думать не пришлось: кроме ушкуйников было некому. Бояре да купцы своих смердов одних всё равно не отпустят, а у Буслая как раз сотня воев и наберётся.

Провожали налётчиков с камнем на сердце. Если не вернутся и сложат свои головы в еланях да урманах, считай, всё пропало. Не выстоит Ядрей против Югры. Отец Иванко благословил Буслаевых ребят на подвиг, прочёл молитву за победу Христова воинства. Ушкуйники выслушали его (сожалея, что нет петуха принести в жертву Перуну) и, перекрестившись, разбрелись по нармам. Грянули окрики возниц, тронулись с места олени, вспарывая сметанно белую, неровную перину снега, и цепочка нарт с глухим шорохом потянулась вдоль замётанных метелями берегов реки. Оставшиеся в стане вои следили за ними, покуда те совсем не утонули в молочной дымке.

Глава пятая

Сидя на высоком крыльце свайного терема, лысый дряхлый хонтуй Олоко курил сар и думал о грядущем. Приход новгородцев не стал для него неожиданностью: опыт подсказывал, что русь обязательно вернётся, дабы отомстить за убитых. Олоко не питал ненависти к русичам. Пусть они жадны и грубы, но приходят редко, и от них всегда можно откупиться. Ненцы куда хуже: налетают подобно снежной буре, режут всех подряд и исчезают в бескрайней тундре – только их и видели. Сущее бедствие. Одно от них спасение – деревянный тын. По счастью, брать поселения они не умеют, но в чистом поле неодолимы. Олоко знал, что они придут и в эту зиму. Он готовился встретить их: разослал заставы, обновил заплот в городе, вознёс мольбы Нум-Торуму и заклил духов войны и болезней. Боги не должны были оставить его, ведь он отдал им лучших оленей и забил священного медведя. Конечно, ненцы всё равно найдут чем поживиться – слишком густо рассыпаны стойбища по Югорскому краю, чтобы боги могли уследить за каждым. И так будет продолжаться из года в год, из века в век, пока ходят по земле югорцы и ненцы. А русь... Что русь? Она живёт далеко, её приход – зыбь на глади беспредельного океана. Право слово, отчего Унху так злобится на них? Зачем он перебил данщиков? Глупо, недалёковидно. Ну да что уж теперь кручиниться...

По воле богов роду Олоко выпала честь править в северной части Югры. Здесь еловая чащоба уступала место редколесью, буреломы и непролазный тальник сменялись низким лозняком вдоль бесчисленных ручьёв и озёр, сорга зловеще топорщилась над бугристой трясинной, а реки, прежде раздвигавшие сосновые рощи, обнажали берега, словно сбрасывали дорогое убранство перед тем, как утонуть в объятиях студёного океана. На берегу океана и жили те самые ненцы. Каждый год в начале зимы они собирались в ватаги и, подобно новгородским ушкуйникам, отправлялись грабить соседей. На своих больших нартах северные вои проходили по тысяче вёрст, иногда забирались даже в земли хантов и манси. Люто страдали югорцы от их набегов. Хонтуи снаряжали погони за разбойниками, но разве отыщешь ветра в поле? Ненцы смеялись над бессилием югорцев, а те возводили всё новые крепостцы и молили богов о заступничестве.

И вот теперь Унху звал Олоко на бой с русью. Значит, старый хонтуй должен был вместо защиты своих подданных идти сражаться с далёким врагом, который ему самому, в общем-то, был совсем негрозен. Нужно ли это было Олоко? И как на него посмотрят люди, когда в преддверии зимы он заберёт лучших воев? Было над чем поразмыслить.

В ограде закрипела калитка, и во двор вбежал мальчишка в кумыше и нрях, в собачьей шапке без колпака.

– Олоко, Олоко! – закричал он. – Аньянг говорит, пришёл человек. Человек от руси.

Хонтуй удивлённо посмотрел на него, моргнул.

– Видно, Аньянг переел мухоморов. Скажи ему, чтобы шёл отсыпаться.

– Нет, нет, Олоко! Аньянг не ел мухоморов! К нему правда пришёл человек. Я сам видел. И многие видели.

Старик тяжело поднялся, медленно сошёл по ступенькам.

– Где же он, этот человек?

– Ждёт за стеной.

– Поехали поглядим.

Олоко положил мальчишке руку на плечо, повернулся к застывшим в ожидании слугам, приказал:

– Запрягайте собак.

Слуги выволокли ему нарты, впрягли десяток белых лаек, и спустя короткое время хонтуй уже мчался по улицам городка, сопровождаемый двумя воинами на оленях и мальчишкой-вестником.

У ворот хонтуя встретил начальник стражи – маленький и щуплый Аньянг.

– Что там у тебя? – недовольно спросил Олоко.

– Явился человек. Говорит, от новгородцев. Ждёт за стеной.

Олоко поднял глаза к верхушке сторожевой башни, оценил её высоту, скользнул взглядом по ступенькам приставной лестницы.

– Он один?

– Да.

– В округе больше никого нет?

– Пусто. Одни зайцы шныряют.

– Зайцы... – вздохнул хонтуй. – Зайцы – это не к добру.

Аньянг смолчал, не отводя взора.

– Ладно, – промолвил Олоко. – Заводи его сюда. Только будь настороже. Чуть что – стреляй.

– Понял, вождь.

Аньянг повернулся к воинам и крикнул, махнув рукой:

– Отпирай. Пусть заезжает.

Створы ворот раскрылись, и в крепость въехали нарты, запряжённые двумя оленями. В нартах сидел краснолицый человек в соболиной шапке и лисьей шубе. Человек имел усталый вид, на исхудавшем, местами обмороженном лице горели выпуклые чёрные глаза. Остановив нарты, он с трудом выбрался из них и, пошатнувшись, исподлобья огляделся. Затем перевёл взгляд на хонтуя.

– Ты – Олоко? – спросил он по-югорски.

– Я.

– А я – Арнас, посланец русского воеводы Ядрея. Он шлёт тебе привет и желает крепкого здоровья – тебе и твоим родным.

Олоко внимательно оглядел его с головы до ног. Спросил:

– Ты – зырянин?

– Ничто не укроется от твоего пристального взгляда, светлый вождь.

– Служишь русичам, значит...

– Служу.

Олоко презрительно скривил губы.

– Падаль...

– Лучше не оскорбляй меня, светлый вождь, ибо я привёз тебе хорошие вести.

– Вести – от руси?

– Да.

Олоко с сомнением посмотрел на своих воев.

– Ты – гость в моём доме, потому я тебя не трону. Но ты напрасно проделал весь этот путь. Я не стану ни о чём говорить с твоими хозяевами за спиной моего кана.

Люди одобрительно зашумели, и Олоко гордо посмотрел на них – цените благородство своего хонтуя. Арнас заметил этот взгляд.

– Тогда дозволь мне переночевать в твоём городе, – попросил он. – Я проголодался и устал, да и олени мои нуждаются в отдыхе.

– Это можно, – милостиво согласился Олоко. – Аньянг, пошли двух человек, пусть проводят гостя в дом.

Хонтуй забрался в нарты и, не глядя больше на посланника, умчался обратно в свой дом.

Тем же вечером, едва стемнело, он послал слугу за зырянином. Арнаса поселили тут же, под боком у Олоко, в небольшой пристройке к княжьей хоромине. Такое легкомыслие не удивило зырянина: по законам тайги гость никогда не подымет руку на хозяина очага. К тому же во дворе постоянно крутились вои, и пришелец, будь у него злые намерения, не смог бы тайком проникнуть в дом вождя.

Слуга проводил пермяка в горницу и вышел. Олоко сидел на топчане в расшитой рубахе и штанах, подпоясанный широким разноцветным поясом со множеством железных, золотых и серебряных побрякушек на коротких цепочках.

– Садись на лавку, – велел он Арнасу глухим голосом.

Тот сел, положил сцепленные в замок руки на колени.

– Что мне хочет передать русский воевода?

– Он говорит, что не враг тебе. Новгородцы знают, кто был виновником этой войны – Унху. Это он перебил русь семь лет назад. Новгородцы пришли, чтобы покарать его. Их враг – не Югра, а только Унху.

Олоко усмехнулся.

– Новгородский воевода хочет, чтобы я предал своего кана?

– А разве кан уже не предал тебя и других хонтуев?

– О чём ты говоришь?

– Об Апте, убитом им в своём доме. Что это как не преступление, и вдобавок кощунство?

– Аптя был слишком горд. Его наказали боги.

– Его брат был иного мнения.

– А что стало с его братом? – насторожился Олоко.

– Убит в сражении. Люди Унху вкрались к нему в доверие, чтобы погубить предводителей руси. Но новгородцы оказались хитрее и перебили их. Вместе с братом Апти.

Олоко помолчал, тяжело сопя и почёсывая подбородок.

– Откуда же тебе известны мысли брата Апти, если он мёртв?

– Я говорил с ним, когда русичи подошли к его городу. Подначиваемый людьми Унху, он сказал, что сдаётся, но на деле лишь хотел заманить новгородских вожаков к себе, чтобы перерезать им глотки.

– Выходит, он был неискренен с вами. А значит, лгал и тогда, когда обвинял Унху в смерти своего брата. – Олоко ухмыльнулся, довольный своей сообразительностью.

– О нет, светлый хонтуй, он говорил правду. Он верил в это, но слишком боялся кана, чтобы передаться руси. Я был на пиру, куда он пригласил лучших новгородских мужей. Я слышал, что он говорил русскому воеводе, когда люди Унху не могли подслушать его. Я переводил его слова.

– И ты хочешь, чтобы я поверил тебе?

– Поверь своему чувству. Что оно подсказывает тебе, вождь? Хочешь ли ты идти вместе с каном, который убивает своих гостей, или вместе с теми, кто предлагает тебе дружбу? Подумай ещё вот о чём. Ты – старейший из хонтуев, но при этом – не кан. Разве это справедливо? Русичи сделают тебя каном. Они убьют Унху и отдадут тебе его тамгу. Ты будешь править Югрой, и твои дети и внуки будут править Югрой. Подумай хорошо, о мудрый вождь. Хочешь ли ты облагодетельствовать свой род?

– Русь далеко, а Унху рядом, – уклончиво протянул Олоко.

– Сейчас русичи близко, а Унху дрожит от страха, надеясь только на крепость своих стен. Кто он без вас, хонтуев югорских племён? Чего достиг он? Разве это подвиг – перебить немногих данщиков? Разве за это дают канскую тамгу? Ты каждую зиму сражаешься с ненцами, но ты – не кан. А он перебил сто человек по всей Югре, и стал каном. Где справедливость? Подумай над этим, светлый вождь. Русский воевода предлагает тебе не только

власть, но и земли. Ты будешь владычествовать над городами Унху и Апти. Разве это – не достойный подарок?

– Соблазнительно, – проговорил Олоко, слегка опустив морщинистые веки.

– Ты объединишь в своих руках земли трёх родов и станешь самым могущественным повелителем Югры – не только по званию, но и по сути. Никто не отважится бросить тебе вызов.

Хонтуй молчал, не поднимая век. Он чуть покачивался взад-вперёд, а Арнас бесстрастно сверлил его взглядом, почти уверенный в своём торжестве. Старик не мог не согласиться. Сколько ему осталось жить? Год? Два? А тут удача сама идёт в руки. Трудно устоять.

Наконец, Олоко произнёс:

– Видно, боги так хотят, чтобы я стал каном. Унху вызвал у них отвращение своими мерзостями. За смерть гостя в своём доме он должен ответить.

– Ты мудр в своём выборе, хонтуй, – ответил Арнас. – Но если ты хочешь получить в свои руки город Апти, то должен отправить туда воинов. В Югре много хонтуев, и все они готовы прибрать к рукам чужое.

– Ты прав. Я отправлю туда старшего сына.

– Я пойду с ним, чтобы русь не приняла твоих воев за врагов.

– Это разумно, – согласился Олоко.

Коричнево-серые столбы беломошника вздымались над застывшей еланью, пелена облаков излучала слабое сияние, словно сам Дажьбог – владыка белого света – спустился с небес и парил над землёй, едва касаясь её краями своей повозки. Откуда-то из глубин леса доносились робкие шорохи, слабое потрескивание, далёкое уханье. По узкой замёрзшей речке, извилисто петлявшей среди курганов и холмов, двигался санный отряд человек в сто. У воинов за плечами были большие луки, на коленях лежали колчаны, а щиты и доспехи были сложены на грузовые нарты, двигавшиеся отдельно. Воины не ждали нападения. Их головы были закрыты меховыми колпаками, лишь иногда кто-нибудь с любопытством поворачивал лицо, обозревая окрестности, и тогда можно было увидеть прищуренные смеющиеся глаза и сосульки в рыжих усах.

– Айдар! Айдар! – закричал Арнас из нарт, подаваясь вперёд. – Дальше идти нельзя! Опасно! Надо делать привал.

Сын Олоко обернулся, что-то сказал вознице. Тот остановил нарты. Вслед за ним остановились и остальные. Княжич выбрался из нарт, разогнул спину, поиграл плечами.

– Почему опасно? – удивлённо спросил он, озираясь.

– Нельзя, – ответил Арнас, тоже сходя на землю. – Дальше русичи выставили сторожу. Увидят нас, будут стрелять.

– Хм... Надо выслать вперёд разъезд, пусть он предупредит новгородцев.

– Ты прав. Я поеду с разъездом, а ты поджидай здесь.

– Так и сделаем.

Югорцы загнали нарты в лес, разожгли костры, вытряхнули из мешков мёрзлое мясо, а Арнас с четырьмя ратниками отправился на разведку.

Спустя короткое время, когда югорские ратники уже заканчивали трапезу и расслабленно грелись у костров, вокруг засвистели стрелы, а из-за деревьев повыскакивали бойцы в остроконечных шлемах с наносниками, с мечами и продолговатыми, суживающимися книзу щитами. Бой был скоротечен. Югорцы бросились к оружию, но их стиснули со всех сторон и принялись резать как свиней. Они пытались отстреливаться, размахивали горящими ветками, швырялись камнями, но всё было напрасно. Один за другим падали северные вои, пронзённые тяжёлыми мечами. Айдар с личной охраной пытался пробиться к нартам, схватил длинный сук, принялся орудовать им как оглоблей, но тоже упал, поражённый сулицей

в грудь. Разбегавшихся югорцев ловили, рубили им головы. Спустя короткое время в живых не осталось никого.

Буслай удовлетворённо вытер снегом меч, вложил его в ножны и промолвил:

– Славно поработали, ребяташки. Навели шороху на нехристей.

Из леса на олене выехал Арнас. Невозмутимо обзрев побоище, он соскочил на землю и, отыскав среди убитых тело княжича, достал короткий нож и стал деловито сдирать с Айдара скальп. Ушкуйники содрогнулись, увидя такое.

– Ты что же это творишь? – спросил его Буслай.

Зырянин лишь сверкнул злыми глазами.

– Так нада. Боги хотеть.

Поражённый сотник умолк и отошёл в сторону.

Хонтуй Юзор ехал на длинных нартах, запряжённых четвёркой оленей, и уныло озирался по сторонам. Совсем скоро должна была появиться югорская столица, осаждённая новгородцами, и нужно было стеречься засад. Юзор был опытным воем, но с русичами ему сталкиваться не приходилось. Конечно, он встречал людей из-за гор: рабов, данщиков, промысловиков. Однако то были мирные люди, и хонтуй не знал, каковы они в бою. Он не считал их врагами. Опасность для него исходила с юга, от хантов, а не запада, где жили пугливые пермяки и гордые русичи. Семь лет назад, когда Унху, обуреваемый жаждой канской тамги, призвал всех хонтуев устроить облаву на русских емцов, Юзор удивился этой затее, но отказывать не стал. Переловил всех новгородцев, которых нашёл в своих владениях (а было их всего два десятка) и отправил к Унху. Пускай кан сам разбирается с ними. Юзор понимал, что русичи не простят насилия и когда-нибудь явятся отомстить. Унху это тоже должен был понимать. Но раз кан решился на такое, стало быть, верил в свои силы.

И вот русичи пришли за головой верховного владыки. Они прибыли издалека и, конечно, очень устали. Их было совсем не много – человек триста, может, меньше. Юзору донесли об этом охотники, шнырявшие в тех местах. Новгородцы разорили городок Апти и заперли кана в его столице. У них имелись мечи, железные доспехи и много оленей. А у югорцев – только свистящие стрелы, топоры да медные пальмы. Вместо панцирей латы из рыбьего клея, кое у кого кольчуга, а щитов нет вовсе. Да и зачем они в тайге? Только мешают лазить по густой урёме, сковывают движения. Против хантов и ненцев такое войско устоит, но вот против русичей с их сулицами, шестопёрами и клевцами – навряд ли. Понятно, зачем Унху созывал хонтуев. Русичей нужно бить всем миром, иначе они уничтожат югорских правителей по одному. Смущало другое: не слишком ли круто взялся кан спланировать вокруг себя вождей? Новгородцам, конечно, надо давать отпор, но не захочет ли кан под шумок вознестись над прочими властителями земли Югорской? Не вознамерится ли, оправдываясь русской опасностью, провозгласить себя единственным главой всей Югры?

Обо всём этом Юзору говорил Олоко, когда оба они возвращались в свои уделы после совета у кана. «Сегодня он убил Аптю, а завтра примется за нас, – шептал старик. – Подумай, Юзор, крепко подумай, нужен ли нам такой кан». И Юзор задумался. Но чем дольше он думал, тем больше убеждался, что нет у него другого выхода, кроме как поддержать кана в его борьбе. Ловкий Унху всё так подстроил, что на одной чаше весов лежала его судьба, а на другой – предательство. Иного было не дано. И если бы Юзор поддался справедливому гневу, Унху, вероятно, погиб бы, но при этом заслужил славу героя, защитника родной земли. А те, кто бросил его в беде, остались бы жить с клеймом предателей. Вот из чего приходилось выбирать хонтую полуденной Югры. И он выбрал. Оттого и пробирался сейчас с войском сквозь болотистый ельник к столице Югорского края, спеша выручить кана, обложенного русским войском.

Наверно, урман был нарочно придуман богом метелей и холодов Войпелем, чтобы вредить людям. Иначе как объяснить, что такая труднопроходимая чащоба была открыта всем ветрам? Ветки махрились белой пеной, роняли тяжёлые снежные ошмётки на головы людям, словно смеялись над ними. Нарты двигались медленно: то и дело приходилось огибать логи и буераки, плутать меж разлапистых елей и лиственниц, продираться сквозь лозняк. Возницы по несколько раз на дню должны были слезать с нарт и брать оленей под уздцы, ведя их вслед за проходчиками, что проверяли крепость льда в еланиях. Под ногами неостановимо кружилась позёмка; иногда её взметало кверху, и она била в лицо, обжигая морозом нос и щёки. Яркое солнце стекало по оцепеневшим стволам деревьев, разбивалось сотнями искр в кронах, ударялось о сугробы, бросая слепящие блики в глаза. Люди продвигались вперёд с неумолчным пытением, скрипом полозьев по снегу и хрустом ветвей. Казалось, будто целая семья шатунов ломилась через урёму, голодно ворча и поругивая холод.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.